

Случай из практики. Том 1

Автор:

[Кира Измайлова](#)

Случай из практики. Том 1

Кира Алиевна Измайлова

Колдовские миры Случай из практики (двухтомники) #1

Добро пожаловать в Арастен! У вас проблемы? Бесследно пропали семейные ценности? Вам кажется, что в доме завелось привидение? Обратитесь к судебному магу – он сумеет разобраться даже в самом запутанном деле...

Судебная магия – штука тонкая и опасная. Она требует не только досконального знания магических практик, но и личного мужества. Адепту судебной магии Флоссии Нарен ни того ни другого не занимать. Службу свою она знает. Перед трудностями очередного расследования – не пасует. Угроз и незаконного колдовства – не страшится.

Вот только внезапно все расследования спутываются в один туго сплетенный клубок.

Кира Измайлова

Случай из практики. Том 1

© Измайлова К., 2014

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2014

* * *

Глава 1

Драконье горе

Зрелище... Да, зрелище. Впечатляюще, что и говорить. Какого-то новобранца до сих пор выворачивало наизнанку за большим камнем, да и мне, хоть видать мне доводилось и не такое, сделалось не по себе. Другое дело, что по моему лицу никто бы об этом не догадался при всем желании, а прилюдно блевать при виде таких натюрмортов я давно отучилась.

Довольно широкая каменная площадка перед пещерой – снег не белый, а темно-красный, почти черный, насквозь пропитался густой кровью. Не снег, а каша.

Обезображенный донельзя труп в помятых старинных доспехах у самого края обрыва – лица не разобрать, оно обожжено, изъедено чуть не до кости.

Немного поодаль, ближе к пещере, распласталась громадная туша дракона: широкие крылья, выломанные, словно бы в последней попытке взлететь, громоздятся, напоминая изодранные паруса на сломанных мачтах; мощные лапы неловко подогнуты, – это его кровью залито все вокруг. И в кровавом снегу, рядом с мучительно оскаленной, чудовищной, но все-таки по-своему привлекательной мордой дракона – мертвая принцесса.

Впрочем, дракон казался огромным только на первый взгляд. Стоило подойти поближе, как становилось ясно: он не так уж и велик, во всяком случае, по сравнению со зрелыми особями. Чешуя у него была красновато-коричневой, тогда как у взрослых драконов она обычно черная, с металлическим отливом. Очень редко встречаются драконы с серебряной, золотистой или стальной чешуей, мне доводилось видеть только их чешуйки в собрании Коллегии[1 - Маги подлежат обязательной регистрации в Коллегии. При желании, приняв присягу, маг становится членом К., что дает ему право участвовать в голосовании и т. п. Любой член К. может быть избран в Малый Совет, включающий двенадцать магов, избираемых тайным голосованием. Ежегодно для решения вопросов,

находящихся вне компетенции региональных М.М., собирается Большой совет, члены которого выбираются тайным голосованием внутри М.С. Б.С. может также быть собран по запросу М.С. в любое время в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Общее управление Коллегией, а также руководство в особо сложных случаях осуществляет Высший Совет. В него входят шесть магов, избираемых пожизненно открытым голосованием.]. Впрочем, я и взрослого дракона вживе ни разу не видела...

– Это... это он его сжег?.. – полушепотом спросил молоденький гвардейский лейтенант, вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь. Несколько солдат с ним во главе были приданы мне в качестве сопровождения. Не то чтобы я в самом деле нуждалась в сопровождении, скорее, наоборот, но где это видано, чтобы судебные маги лично ворочали трупы?

– Нет, – соизволила я раскрыть рот. Лейтенант уставился на меня снизу вверх одновременно с испугом и любопытством.

Я тяжело вздохнула. Ну не объяснять же ему подробно, что следов огня на окружающих скалах нет, доспехи тоже не оплавлены: этот дракон так и не воспользовался своим самым знаменитым оружием. Не потому, что не успел, просто понадеялся на физическую силу, дурачок.

– А что же здесь... – Лейтенант не закончил фразы, решив, видимо, что чересчур наглет. Так оно, кстати говоря, и было. Я не обязана отчитываться перед каждым мальчишкой в военной форме.

Зачем меня отправили в эти дикие края, сказать сложно. Да, дракон, как водится у этого племени, похитил девушку. Надо думать, предполагалось, что я сумею убедить его вернуть пленницу родным. Не рассчитывал же мой наниматель, будто я стану сражаться с драконом! Это все же не мой профиль деятельности... Отказываться от задания я не стала: это было, по меньшей мере, интересно. Увы, пока я добралась до места, многое успело произойти... В горном поселении, ближайшем к обиталищу дракона, меня ждали новости: оказывается, меня опередили, причем не более чем на двое суток. Некто добрался до дракона раньше меня, вот только обратно не вернулся. Да и дракон больше не появлялся... Как бы там ни было, пришлось отправляться еще выше в горы, чтобы разобраться, в чем же дело, где дракон и что случилось с принцессой.

Мне было предельно ясно, что? здесь произошло. У парня в старинных доспехах, вооруженного длинным – и как только на гору его затащил? – копьем, не было ни одного шанса выстоять против дракона. Ни единого реального шанса! Вот только жизнь частенько выкидывает забавные штуки, и все реальные шансы летят псу под хвост.

Судя по следам, дракон разоружил самозваного рыцаря играючи – просто сломал его копье и отшвырнул бедолагу на край обрыва. А вот потом, полагаю, дракон решил пугнуть парня напоследок, а заодно похвастаться перед единственной зрительницей своим благородством, оставив его в живых. Так бы оно и произошло, если бы ошавший от ужаса «рыцарь» не выставил перед собой обломок копья. Это не причинило бы никакого вреда дракону, но по нелепому стечению обстоятельств нелепый драконоборец ухитрился намертво заклинить пятку бывшего копья между камнями. Острый обломок угодил точно в горло самонадеянному молодому дракону, в то место, где чешуя еще не обрела достаточной прочности, и тот, не успев остановиться, сам насадил себя на древко. Видимо, обломок копья разорвал артерию, иначе бы дракон не умер так просто, – крови вокруг было столько, что под ногами хлюпало, и это подтверждало мою версию. Драконья кровь ядовита для большинства людей; обрадовавшегося было вояку окатило с головы до ног, и радоваться победе ему пришлось недолго: спустя несколько минут от него остался вопящий от нестерпимой боли и ужаса окровавленный кусок мяса. При таком болевом шоке долго не живут. Думаю, он протянул пару минут, не больше.

Впрочем, объяснять все это лейтенанту я не собиралась. Достаточно того, что придется отчитываться перед Королевским советом.

– Прикажите своим людям быть осторожнее, – сказала я, рассудив, что калечить солдат вовсе необязательно. Драконья кровь в ранах хозяина сворачивается быстро, а вот вытекшая – не застывает даже на морозе, потому под ногами и хлюпает. Остывшая, она уже не так опасна, но все равно можно заработать приличный ожог. – До дракона не дотрагиваться, голыми руками ни за что не братья. Все ясно?

– Так точно, госпожа Нарен, – вытянулся в струнку мальчишка и покосился на скорчившуюся в снегу мертвую принцессу, комкая в руках шапку (трудно сказать, снял он ее из уважения к покойнице или же из почтения передо мной). Жаль девушку, говорят, она была дивно хороша...

Лейтенант снова не удержал язык на привязи, видимо, любопытство его было сильнее, чем трепет перед судебным магом:

- А она-то, что же, от страха, что ли?..

Я подошла поближе, наступив прямо на подол роскошного платья, чтобы не перепачкать сапоги еще больше, присела, взглянула на девушку поближе, осторожно повернула ее голову. И правда, хорошенькая, даже смерть ее не изуродовала. Решительное бледное личико, заплаканное и перепачканное темной кровью, щека прижата к драконьей чешуе, красивые тонкие руки обнимают страшную морду. В ушах – великолепные серьги старинной работы, рубины с бриллиантами, на шее такое же ожерелье. Ничего этого не было в перечне драгоценностей, оказавшихся на принцессе на момент похищения – дракон уволок ее из купальни, на девушке было лишь нижнее платье, скромные сережки да несколько тоненьких золотых колечек... Опять же и драконья кровь не причинила ей вреда. Да, все именно так, как я предполагала...

На теле принцессы не обнаружилось ран, она просто замерзла насмерть. Немудрено, мороз стоял такой, что даже тепло одетые солдаты ежились от холода, у лейтенанта вон нос и уши покраснели, если шапку не наденет – точно отморозит. Принцесса же была одета в тонкое платье из какой-то воздушной материи, я никогда прежде такой не видывала, должно быть, это драконья добыча из каких-то заморских стран... Сколько девушка провела здесь, в снегу? Не меньше суток, думается...

За спиной шмыгал замерзшим носом молоденький лейтенант, но больше ни о чем не спрашивал.

Я одернула короткую куртку, вздохнула, но говорить ничего не стала: в нашем деле лучше держать язык за зубами до поры до времени. Бедная девчонка...

Я окинула взглядом площадку перед пещерой. В душе поднималось глухое раздражение на несправедливость жизни – чувство бесполезное, но неизбежное. Я еще раз посмотрела на убитого дракона и мертвую принцессу. Папина гордость, умная и славная девочка... Умная славная девочка предпочла навсегда уснуть в кровавом снегу в обнимку с мертвым драконом, а не дожидаться спасения в теплой уютной пещере!

Я была готова держать пари на свой годовой заработок (а это не так уж мало), что в человеческом облике этот дракон был очень красивым, веселым и добрым – по-своему, по-драконьи, конечно, – парнем. Много ли надо молоденькой девушке, чтобы влюбиться? Особенно если учесть: уж что-что, а ухаживать за дамами драконы умели всегда... И если бы не этот дурак в прадедушкиных латах со своим копьем и не глупая самонадеянность молодого дракона, они с принцессой, скорее всего, жили бы счастливо до конца ее короткой человеческой жизни. За что я всегда уважала драконов, так это за то, что они всегда оставались со своими избранницами до самого конца, не бросали их, едва заметив признаки надвигающейся старости. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что и женщины, связавшие свои жизни с драконами, никогда не превращались в дряхлые развалины, до самой смерти сохраняя красоту. А драконы – они на своем длинном веку влюблялись множество раз, но каждый раз по-настоящему, и потом искренне и подолгу оплакивали своих недолговечных подруг.

Нелепое стечение обстоятельств, чтоб его! И вот я стою по шиколотку в кровавом снегу и мысленно сочиняю отчет, который одинаково устроит и потерявшего любимую дочь безутешного отца, и владельца земель, на которых произошло это несчастье, – Его величество Арнелия. Нелегкая задача, что и говорить...

– Госпожа Нарен? – Лейтенант все же рискнул нарушить мое сосредоточенное молчание. – Мои люди закончили с пещерой... Можно?..

Значит, сокровищницу вывезли. По правде сказать, не так уж много там и было. Я же говорю, совсем молодой дракон, глупенький мальчишка... хотя и странно так говорить о существе, старшем тебя минимум на сотню лет. Но сто лет – только для человека солидный возраст, и то если он не маг, а для дракона, считай, еще детство.

Я заставила себя вернуться к реальности. По правилам, тело дракона принадлежало занимающемуся расследованием судебному магу, мне в данном случае. Я имела право произвести вскрытие в исследовательских целях, но сердце и печень дракона должна была передать Коллегии магов. Эти органы – слишком ценный материал, чтобы принадлежать кому-то одному: из них готовятся определенного рода препараты, за которые некоторые люди душу готовы продать, было бы что и кому предложить. Драконы, конечно, не исчезающий вид, но все же встречаются достаточно редко. Желающих

охотиться на них, что вовсе не удивительно, немного, поэтому заполучить для исследования тело дракона – большая удача! Они очень уважительно относятся к своим усопшим и погребальным ритуалам: насколько мне известно, умерший дракон должен сгореть в пламени, разожженном его соплеменниками. Однако существует неофициальное соглашение, по которому тело дракона, погибшего в честном бою с человеком, принадлежит победителю. (Стоит ли говорить, что число таких случаев стремится к минус бесконечности?) Данный случай относился именно к честным поединкам, хоть и выглядел нелепо до крайности...

Мне лишь однажды довелось присутствовать на вскрытии дракона, довольно давно, в годы моего ученичества, да и то в компании целого десятка таких же, как я, юнцов. Вскрытие проводил мой наставник, и было это достаточно интересно. А теперь мне предоставляется случай самой заняться этим... Беда только в том, что мне вовсе не хотелось кромсать именно этого дракона, так глупо погибшего в самом начале своей долгой и интересной жизни. Не потому, что мне не хотелось пачкаться – уж трупов я повидала предостаточно... Но стоило взглянуть на них – дракона и принцессу, и в сердце что-то неприятно сжималось, хотя уж чем-чем, а сентиментальностью я отроду не страдала. Мой наставник не одобрил бы такой чувствительности, более приставшей барышне на выданье, а не судебному магу, но... Наставник давно уже не был для меня непререкаемым авторитетом.

– Лейтенант! – Я скосила глаза на изведшегося юношу. Тот вытянулся в струнку:

– Госпожа Нарен?

– С этим я закончила. – Я кивнула в сторону трупа в старинных доспехах. – Можете забирать.

– Так точно!

– Лейтенант... – поморщилась я. – Без громких звуков, прошу вас. Иначе эта скала, – я посмотрела вверх, – в один прекрасный момент свалится нам на голову.

Лейтенант посмотрел туда же, куда смотрела я, и заметно побледнел. Над входом в пещеру нависала изрядных размеров скала, этакий козырек. По правде сказать, держалась она прочно и без хорошего землетрясения не сдвинулась бы

с места, а землетрясений в этих краях не бывает. Но то ли юноша не был силен в землеописательных науках, то ли побоялся спорить со мной, но просьбу мою выполнил.

– Вы, двое! – командовал он теперь сдавленным шепотом. – Взяли... понесли...

Я скупно усмехнулась. Лейтенант косился на меня одновременно с испугом и чем-то вроде любопытства. Немудрено... Я знала, как выгляжу со стороны, и никогда не строила иллюзий по поводу собственной внешности. К тому же на людей нужно производить определенное впечатление, а потому я вынуждена поддерживать определенный образ. Не сказала бы, впрочем, чтобы меня это сильно тяготило.

Так. Пока двое солдат возятся, пытаюсь поудобнее перехватить труп нашего драконоборца, самое время сосредоточиться. Хорошо. Большого усилия не потребуется.

– И – раз... – Тело перекинули на импровизированные носилки. – И... два... И-и...

– Мать твою!! – Бедняга солдат споткнулся о невесть откуда взявшийся камень, неловко упал и то ли расшиб, то ли вывихнул ногу. – Ах ты!..

– Берегись!! – Мой зычный голос легко перекрыл вопль бедолаги, а камни под ногами мучительно вздрогнули. – В стороны, спасайтесь!..

Никого не накрыло – я хорошо рассчитала. На том месте, где только что лежали мертвый дракон и принцесса, теперь возвышалась такая каменная гора, что было ясно – разобрать ее не удастся и за месяц. Да и смысла нет – под завалом остались кровавые ошметки, и только, тела размазало по камням.

– Лейтенант... – Я как ни в чем не бывало дымила своей трубкой: одна из немногих моих слабостей, курю с пятнадцати лет. – Я, кажется, предупреждала, что кричать здесь нельзя?

– Госпожа Нарен...

– Из-за вашей безалаберности я потеряла ценнейшие образцы тканей молодого дракона, – отчеканила я, по-прежнему не глядя на лейтенанта. Бедный мальчишка, дальше краснеть уже некуда... – Его величество Никкей Третий лишился возможности похоронить свою дочь, как полагается по обычаям королевского дома Стальвии. Что, по-вашему, это означает?

Это означало конец его карьеры, и молоденький лейтенант это прекрасно понимал.

– Мы... мы разберем завал, мы... – прошептал он, но я осталась непреклонна.

– К весне – может быть, разберете. К несчастью, у меня нет времени ждать.

Я смерила мальчишку холодным взглядом. Лейтенант перестал краснеть и сделался мертвенно-бледным. Его солдаты притихли чуть поодаль, даже так некстати споткнувшийся бедняга бросил стонать и ругаться сквозь зубы.

– Хорошо, – медленно процедила я, выдержав внушительную паузу. – Будем считать, что скала обрушилась по естественным причинам. Раненый дракон ударами хвоста разрушил основание скального козырька, он держался только чудом и рухнул, опять-таки чудом никого не покалечив. Многовато чудес для одной скалы, ну да сойдет... Вам понятно?

– Г-госпожа Нарен!.. – выдавил лейтенант. Должно быть, он хотел высказать благодарность или, наоборот, отказаться участвовать в обмане, но я уже отвернулась и начала спускаться по узкой тропинке вниз. До столицы достаточно далеко, чтобы мне хватило времени сочинить убедительный доклад для королевского совета. Всей правды говорить, пожалуй, не стоит, а значит, придется потрудиться, изобретая жизнеспособную версию произошедшего...

... – Смерть принцессы наступила, по моим оценкам, почти сразу же после гибели рыцаря, предположительно, от разрыва сердца. Крайний испуг оказался для нее губительным. – Я остановилась, давая понять, что доклад закончен и я жду вопросов.

Члены королевского совета, за исключением председателя – Его величества Арнелия, радовали взор дивной гаммой чувств, написанной на лицах, – от раздражения до откровенной неприязни. Главный казначей, похоже, подсчитывает, во что обошелся этот добрососедский жест: плату за свои услуги я, как, впрочем, и все хорошие специалисты, беру немалую, а потому нейр Деллен не любит всех магов скопом, а меня отчего-то в особенности. Он скуп, как сотня ростовщиков, и с каждым аром расстается так, будто деньги на государственные нужды выдает из собственного кармана. По-моему, в дни празднеств и всяческих торжеств нейр Деллен укладывается в постель с сердечным приступом, будучи не в силах пережить столь бессмысленное разбазаривание средств. Впрочем, это видимость, Деллен прекрасный казначей, Его величество им весьма доволен, а потому прощает ему вечное брюзжание, не всегда беспочвенное, надо сказать...

Трое военных советников тоже поглядывали на меня не особенно дружелюбно: по их мнению, вполне можно было бы обойтись своими силами, а не приглашать судебного мага. Что там расследовать, в самом-то деле? Все очевидно! А вот если бы потребовалось дракона... усмирить, то надо было нанимать боевого мага, что обошлось бы не в пример дешевле. Вслух, разумеется, они этого не высказывали, но мнение их было мне прекрасно известно. Но, увы, дракон – это дракон, существо, владеющее магией, а в подобных случаях привлечение судебного мага обязательно. Вздумай Его величество обойтись без моей помощи, могла бы вмешаться Коллегия, и военные, разумеется, это прекрасно понимали, что, впрочем, не умаляло их ко мне неприязни.

Арнелий глядел в сторону с выражением легкой скуки на породистом холемом лице. Гость – Его величество Никкей Третий, отец несчастной принцессы, – выглядел раздавленным горем и на меня не смотрел вообще, изучая собственные пальцы.

– Не может быть... – выговорил он наконец. – От испуга?.. Но ведь она была такой смелой девочкой...

– Повторяю, это всего лишь гипотеза, – произнесла я холодно, всем своим видом давая понять, как я отношусь к сомневающимся в моих словах, будь они хоть десять раз королями. – Я готова провести вскрытие с целью установления причины смерти принцессы, но только в том случае, если мне будет предоставлено тело. Я надеюсь, королевский совет не настаивает на том, чтобы я лично разгребала завал на месте происшествия?

Королевский совет не настаивал. Я в этом и не сомневалась.

– Кстати, госпожа Нарен, почему случился обвал? – встрепенулся один из присутствующих. – Как это произошло?

– Над входом в пещеру нависал довольно массивный скальный козырек, – равнодушно ответила я, не выпуская трубки из зубов.

С этим можно было не церемониться: младший помощник казначея, в совет вошел совсем недавно и, видимо, горел желанием обратить на себя внимание Его величества. По слухам, был нейр Гресс трусоват и в меру беспринципен, одно хорошо: Арнелия он боялся более чего бы то ни было, а потому служил честно. Впрочем, не будь Арнелий уверен в Грессе, не видать бы тому места в совете, как булыжника в цветку.

– Видимо, он служил дракону защитой от непогоды, – продолжала я. – Осматривая место происшествия, я обнаружила, что скала готова рухнуть в любой момент. Скорее всего, раненый дракон произвел несколько ударов хвостом по скале, чем нарушил ее устойчивость. – Я заложила руки за спину и сделала несколько шагов вдоль длинного стола, за которым расположился королевский совет. – Я предупредила, что на месте происшествия надлежит соблюдать тишину, однако люди господина лейтенанта предпочли пропустить мои слова мимо ушей. – Молоденький лейтенант, присутствовавший на совете в качестве свидетеля событий и несказанно маявшийся в присутствии столь высокопоставленных господ, заметно покраснел. – В результате неосмотрительного поведения одного из солдат произошло обрушение скального козырька. Только по счастливой случайности никто не пострадал.

– Кто это сделал? – неприятным голосом осведомился Его величество Арнелий.

– Я не обязана знать поименно каждого солдата, – отрезала я. Разумеется, это было неправдой. Память у меня, как и полагается судебному магу, отменная, и я прекрасно помнила, как зовут тех, с кем я провела бок о бок не одну неделю. Другое дело, что я не собиралась этого обнаруживать: я говорила уже – в нашем деле выгоднее держать язык за зубами.

Слова мои прозвучали достаточно резко, но хороший судебный маг может многое себе позволить, в том числе и подобный тон при общении с коронованными особами. А еще никто не осмеливался оспорить того факта, что я – именно хороший судебный маг.

– Думаю, с этим вопросом лучше обратиться к присутствующему здесь господину лейтенанту, – добавила я.

Лейтенант из густо-багрового сделался мертвенно-бледным. Подобную смену колера его физиономии я уже неоднократно наблюдала и в очередной раз подумала, что с такими нервами в королевской гвардии делать нечего. Думаю, юноше больше подойдет место белошвейки!

– Хорошо. Мы непременно это выясним, не так ли? – Арнелий повернулся к мальчишке, и тот вытянулся в струнку, преданно поедая глазами Его величество. На висках у него и над верхней губой выступили капельки пота, хотя в зале было совсем не жарко. – Выясним, по чьей вине наш уважаемый брат, – последовал взгляд в сторону Никкея, – лишен возможности похоронить свою единственную дочь, как полагается. Лейтенант?..

– Так точно, Ваше величество! – отчеканил тот, делаясь вовсе уж невозможного мучнистого цвета. Как бы в обморок не хлопнулся...

– Виновный будет наказан, мой уважаемый брат, – Арнелий повернулся в сторону Никкея. Меня всегда забавлял обычай коронованных особ именовать друг друга братьями и сестрами: по-моему, ничего более нелепого и придумать нельзя. Хотя, возможно, я ошибаюсь...

Речь Арнелия все журчала и журчала – Его величество мастерски умеет заговаривать зубы. Можно не сомневаться, вскоре Никкей вконец одуреет и хорошо, если не забудет, зачем приехал. Впрочем, ему свита напомнит, иначе зачем она вообще нужна?

Мне слушать короля вовсе не хотелось, однако меня еще не отпустили, а хотя бы видимость приличий соблюдать следовало. Не вникая особенно в сладкие речи Арнелия, я прошлась по залу, глянула в высокое, от пола до потолка, окно. Уже сгустились сумерки, и темное стекло служило неплохим зеркалом. Отражалась в нем рослая худая женщина неопределенного возраста, в мужских шароварах (не

в юбке же карабкаться на гору, право слово!) и куртке на меху. Переодеться я не успела: меня перехватили у городских ворот и передали просьбу Его величества явиться немедленно по прибытии. Стоило, конечно, снять хотя бы верхнюю одежду, но рубашка моя была не сказать, чтобы свежей. От жары я не страдала, потому решила остаться в куртке. Я поправила красный платок, которым всегда туго повязывала голову, – волосы, кстати, тоже не мешало бы вымыть, – подтянула потуже широкий пояс с уймой зловещего вида побрякушек (именно побрякушек, ничего серьезного я на виду не держу)... Больше исправлять в своем облике мне оказалось нечего.

Одеваюсь я непривычно для этих мест, но это даже удобно – люди обращают внимание на мою одежду и разные безделушки, на ту же трубку, на мое малопривлекательное лицо и слишком высокий для женщины рост, ну а я в это время могу наблюдать за ними. Что поделать, профессия судебного мага – а я, ко всему прочему, потомственный судебный маг – располагает к тому, чтобы поддерживать определенный образ. Будь я светловолосой румяной хохотушкой, мне было бы сложнее делать карьеру...

Мое отражение быстро мне наскучило, и я перевела взгляд на колонны, поддерживающие сводчатый потолок. В этом зале мне бывать раньше не доводилось: король затеял перестраивать дворец и лишь недавно повелел проводить заседания королевского совета в новом, только что законченном крыле здания. Что ж, красивый камень, светло-синий, с алыми и золотистыми прожилками. Выглядит нарядно, но не аляповато: вкусом Его величество не обделен... А вот в природе такого камня не встречается. Я прищурилась, пригляделась – что здесь у нас? (Многие из моих коллег сочли бы мое маленькое развлечение недостойным высококвалифицированного судебного мага, но я люблю тренироваться на таких вот мелочах.) Хм... неплохо. Изменение сродства элементов с последующей модификацией кристаллической решетки... В результате из самого обычного строительного камня унылого серого цвета получились колонны, вполне достойные королевского дворца. Но неужели Арнелий сподобился раскошелиться на полную замену материала? Подобного рода магические услуги стоят недешево, а работал тут мастер, я даже могу предположить, кто именно. Король же наш, мягко говоря, скуповат... Я присмотрелась внимательнее и ухмыльнулась. Материал был заменен не полностью. Сердцевина колонн осталась прежней, из строительного камня, и была словно заключена в скорлупу из прочной и красивой лазурной отделки, толщиной примерно пальца в три. Что ж, неглупо придумано. Вес перекрытий такие колонны выдержат отменно, а Арнелий недурно сэкономил на работе мага.

Арнелий, наконец, завершил свой монолог. Я к тому моменту уже успела изучить убранство зала и прийти к выводу, что Его величеству нельзя отказать не только в скупости, но и в выдумке: колонны оказались далеко не самым забавным из того, что тут имелось...

– Мы вас более не задерживаем, госпожа Нарен, – вежливо наклонил голову в мою сторону Арнелий. – Мы полностью удовлетворены проведенным вами расследованием. Ваш гонорар вы получите незамедлительно.

– Благодарю, – сухо ответила я. – Надеюсь, Ваше величество, вы не забудете: помимо оговоренной платы, мне причитается пять процентов от найденного в драконьей сокровищнице. Пять, а не два и не полтора.

Арнелий поджал губы, но промолчал. Казначей подавил тоскливый вздох.

Помимо того что я лучший судебный маг в округе, я не состою в Коллегии и не принадлежу ни к одному из цехов. Цеховой договор меня не связывает, а значит, я в любой момент могу собрать немногочисленные пожитки и отправиться, скажем, под крыло того же Никкея, в Стальвию, а то и к великому князю Вельскому или Тарнайскому (впрочем, у последних вряд ли хватит средств на оплату моих услуг). С этим приходится считаться – судебные маги на дороге не валяются, и Арнелий это прекрасно осознает.

Я коротко поклонилась Никкею:

– Сочувствую вашей утрате, Ваше величество.

С этими словами, не тратя более времени на придворные расшаркивания, я прошла к выходу. Взоры сидящих за длинным столом скрестились на несчастном лейтенанте, и я невольно ему посочувствовала. Впрочем, ни малейших угрызений совести от того, что я подставила его и малознакомого мне солдата, я не испытывала. Самое большее, что может им грозить – так это лишение месячного жалованья. Король Арнелий отходчив и, как я уже говорила, скуповат, поэтому телесным наказаниям предпочитает денежные.

Задерживаться во дворце я не стала: делать мне там было совершенно нечего, а слушать шипение за спиной удовольствие невеликое. Меня не любят, хоть и

уважают; впрочем, я сама даю к тому немало поводов: скверный нрав – это почти визитная карточка судебных магов.

В отличие от обычных магов, вынужденных идти на службу к правителям различных мастей и испытывающих на своей шкуре все прелести жестокой конкуренции, мы не настолько дорожим покровительством высокородных. Это, к примеру, магов-медиков пруд пруди, куда больше, чем теплых местечек при знатных и богатых людях: освободись такое, мгновенно выстроится очередь из желающих его занять!

Да, магов немало. Нередки и преступления, совершаемые с помощью магии, и вот здесь-то и нужны такие, как я. Обычный человек не заметит ничего там, где для мага налицо будет масса улик. Впрочем, мы можем заниматься и обычными преступлениями, здесь тоже выручают определенного рода умения.

Кто и когда нарек моих коллег судебными магами, неизвестно, выносить приговор все-таки задача властей или Коллегии – в случае, если преступник окажется магом. Должно быть, это повелось с давних пор, когда мы действительно имели право решать чью-то участь единолично... Впрочем, это название не хуже любого другого, да и, если задуматься, мы все же судим – о первопричинах того или иного преступления...

Представители нашего племени настолько редки и востребованы, что ни один правитель, каким бы самодуром и деспотом он ни был, не станет перечить настоящему судебному магу или пытаться обмануть его с оплатой. Хотя бы потому, что на него немедленно ополчится Коллегия магов, которой причитается некоторый процент от наших немалых доходов, и если бедолаге даже удастся уладить дело миром, платить он впоследствии будет минимум по двойным расценкам.

Его величество Арнелий уже испытал подобное на себе, когда однажды попытался изящно надуть меня с гонораром (вполне возможно, что то была инициатива нейра Деллена). Я на первый раз переговорила с ним лично, не привлекая официального представителя Коллегии, и этого оказалось вполне достаточно. С тех пор мы сосуществовали вполне мирно...

Что ж, а теперь – домой, домой, домой... Как я уже говорила, гонец перехватил наш отряд на въезде в столицу, так что пришлось отправляться на королевский

совет в походном обмундировании, от которого я уже не чаяла избавиться. Я неприхотлива, но когда пару недель не имеешь возможности сменить одежду, начинаешь ценить домашний уют!

Мой дом примостился между двумя роскошными купеческими особняками на Заречной улице. Та часть города, что была отделена от старого центра рекой, так целиком и звалась Заречьем, а моя улица считалась прибежищем самых богатых жителей города, пусть и не дворянского сословия. Честно признаться, я бы с гораздо большим удовольствием перебралась куда-нибудь на окраину – там и поспокойнее, и десятки глаз не следят за каждым твоим шагом, – но судебный маг, к сожалению, вынужден заботиться о своей репутации. Раз я обитаю на Заречной, значит, дела у меня идут лучше некуда, а услуги мои пользуются спросом. Ну, а с другой стороны, жить во дворце намного хуже, поэтому я относилась к любопытным взглядам соседей с философским спокойствием. Тем более что им быстро надоело за мной наблюдать. Да я и дома-то бываю не так уж часто, если уж на то пошло...

Ворота были закрыты – давно стемнело, а на Заречной не принято гулять ночами, здесь живут добропорядочные горожане. Я стукнула в ворота, подождала немного. Наконец мне открыли. Конюх поклонился, принял у меня поводья лошади:

– Простите, госпожа, что ворота закрыли, не ждали вас так поздно...

– Пустяки, – махнула я рукой. Кто ж знал, что Его величество потребует меня немедленно! Спасибо и на том, что не задержал до утра, с него бы случилось...

В доме было тихо и темно. Надо полагать, все уже улеглись спать.

Я бесшумно поднялась по лестнице на второй этаж, где находились мои комнаты, распахнула дверь, и тут же меня едва не сбили с ног.

– Фло!.. – Лелья повисла у меня на шее, глядя снизу вверх сияющими глазами. – Фло, ты вернулась!..

– Похоже на то. – Я осторожно поставила Лелью на пол и огляделась. – Слушай, на кухне найдется что-нибудь поесть?

– Конечно, найдется, Фло! – Лелья метнулась к двери, но тут же вернулась: – А ванну, Фло?..

– На ночь глядя с этим затеваться? – поморщилась я, со стуком сбрасывая на пол тяжелый пояс и расстегивая теплую куртку, хотя, если честно, всю дорогу лелеяла мысли о горячей ванне и чистой одежде.

– А у меня все готово, Фло!.. – Лелья радостно улыбнулась. – Я тебя каждый вечер ждала... Я же знаю, ты приедешь голодная и усталая, а у меня все готово, и ждать не надо!

– Что бы я без тебя делала? – сказала я без тени насмешки, глядя на ее сияющее личико.

Пока Лелья возилась с ванной, я на скорую руку перекусила холодным мясом с хлебом. Лелья рвалась было разогреть мне ужин, но я отказалась – сойдет и так. Я лениво жевала и смотрела, как Лелья носится туда-сюда то с полотенцами, то еще с чем-нибудь. Пожалуй, день, в который я ее купила, в самом деле был удачным во всех отношениях.

Мне всего лишь понадобилась еще одна служанка. У меня уже имелось двое слуг, оба невольники – конюх Дим и кухарка Рима, а вот за домом следить было некому. Наемные служанки у меня отчего-то не задерживались, поэтому прибиралась в доме Рима, но она была немолода, и ей приходилось тяжело. Доходы мои вполне позволяли купить еще одну служанку – рабыня не станет капризничать, как наемная прислуга. Я отправилась именно за такой служанкой: опытной женщиной, желательного средних лет, и в мои планы вовсе не входило покупать зареванную девчонку лет двенадцати, да к тому же почти не говорящую на нашем языке. До сих пор не понимаю, что? на меня нашло.

Как Лелья попала на невольничий рынок, она смогла объяснить мне только полгода спустя, когда более-менее сносно научилась разговаривать по-нашему. Впрочем, я и сама догадывалась. Лелью увезли с какого-то из многочисленных островков западного архипелага пираты – северяне промышляли не только разбоем, но и работоторговлей, не брезгуя и похищать людей, в особенности красивых девушек, и об этом знали все. Лелью ждал бордель, причем, можно не сомневаться, один из самых дорогих в столице – она обладала необычной для наших краев красотой. Маленькая, стройная, белокожая, с копной светло-рыжих

кудрей и яркими голубыми глазами, Лелья, безусловно, пользовалась бы большим спросом, могла бы и в своего рода знаменитости выбиться, знавала я такие случаи. То, что у меня случилось, надо думать, временное помутнение рассудка, и я зачем-то купила совершенно ненужную мне девчонку, Лелья могла считать самой большой удачей в своей жизни. Надо полагать, именно так она и думала, потому что не отходила от меня ни на шаг (изрядно тем самым раздражая).

Надо сказать, в результате я не прогадала: Лелья, едва освоившись на новом месте, взялась наводить порядок в доме, и даже Рима, увидев такое усердие, перестала недовольно поджимать губы.

С тех пор прошло уже лет шесть. Из хорошенькой девочки Лелья выросла в ослепительно красивую девушку, на которую заглядываются многие мужчины с нашей улицы, и продолжает заниматься моим домом, поскольку мне до хозяйства дела никогда не было...

– Все готово, Фло! – Лелья присела на пол, чтобы помочь мне снять сапоги. Возражать было бесполезно – однажды она решила для себя, что должна оказывать мне почести, которые, по обычаям ее семьи, положено воздавать главе рода. По-нашему, получается, чуть ли не королю. Сперва это меня раздражало, затем стало смешить, а потом я привыкла.

– Нет уж, – вовремя остановила я руки Лельи. – Штаны я как-нибудь сама сниму.

Я через голову стянула рубашку и критически глянула на себя в зеркало. Забавный парадокс – в женском платье, даже сшитом лучшей портнихой, я больше всего смахиваю на огородное пугало. В мужской одежде я уже больше похожу на женщину, правда, чересчур высокую и худую, если не сказать костлявую. Поскольку ничто человеческое мне не чуждо, я предпочитаю походить все-таки на некрасивую женщину, чем на огородное пугало. Хотя, если честно, лучше всего я выгляжу вовсе без одежды. Ну да, худая, если не сказать жилистая, слишком уж пышными формами мое тело мужской глаз не порадует. А как иначе, если больше половины года я провожу или в седле, или взбираясь на горы, или шатаюсь по лесам и городским трущобам?.. Жаль только, – тут я ухмыльнулась про себя, – что в королевском дворце нельзя появиться в таком вот виде.

– Фло, а к гостю ты спустишься, или сказать, чтобы приходил завтра? – спросила Лелья, подавая мне сорочку.

– К какому еще гостю? – удивилась я. – Ты хочешь сказать, меня кто-то ждет, но ты ни слова мне об этом не сказала?

– Это господин Нарен... – Она опустила голову, так что мне была видна только рыжая макушка – Лелья приходится мне ростом всего по грудь. – Фло, я...

Дальше можно было не слушать. Впрочем, ругать Лелью я не собиралась. Если поразмыслить, то встречаться с дражайшим дедушкой сразу по прибытии мне не улыбалось. Вот теперь, перекусив и приведя себя в порядок, я, пожалуй, готова была выслушать родственные наставления. Однако... что это деда принесло на ночь глядя?

– Давно он ждет? – поинтересовалась я, накидывая на плечи шаль.

– Появился за два часа до того, как ты приехала, – по-прежнему потупившись, тихо ответила Лелья. – Так и сидит внизу...

Любопытно. Значит, у дедушки имеется соглядатай, который понесся к нему с доносом, как только я въехала в городские ворота. После чего дорогой дедуля приехал ко мне, не ожидая, очевидно, что Его величество потребует доклада немедленно.

– Я надеюсь, хотя бы поужинать гостю предложили? – спросила я, скручивая влажные волосы в узел и заматывая голову шарфом.

– Я подавала ужин, только господин Нарен отказался, – сообщила Лелья.

Это было вполне в духе деда. Что же ему все-таки понадобилось? А, что гадать, нужно спуститься и выяснить...

– Добрый вечер, – сказала я, входя в гостиную, освещенную только горящим камином.

– Ночь на дворе, – недовольно каркнул дед. Он и в самом деле был похож на старого облезлого ворона, и именно от него мне в наследство достались резкие черты лица и скверный характер. Ну и, помимо всего прочего, способности к магии. – Я тебя предупреждал, чтобы эта твоя рыжая шлюха не показывалась мне на глаза?

– Предупреждал, – миролюбиво ответила я, набивая трубку. Дед отчего-то сразу невзлюбил Лелью (надо сказать, взаимно). – И что?

Дед раздраженно фыркнул и уставился на меня немигающим взглядом. Впрочем, я тоже превосходно умела так смотреть, так что некоторое время мы играли в гляделки. Деду это надоело первому.

– Ничего, – буркнул он. – Скажи ей, чтобы не вертела передо мной подолом, я ей не купеческий сынок.

– Непременно скажу, – кивнула я.

– И ты могла бы шевелиться побыстрее, знала же, что я жду, – продолжал брюзжать дед. Выдавать Лелью с ее мелкой мстью я не стала, придав лицу почтительное выражение.

– А что привело тебя ко мне в такой час? – спросила я, когда деду надоело ворчать.

– Уж без дела бы не приехал, – хмыкнул дед и, перегнувшись через стол, уставился на меня в упор: – Где дракон?

– Какой дракон? – не поняла я.

– Флошша! – У деда не хватало нескольких зубов, поэтому мое имя он выговаривал именно так. – Не делай из меня идиота! Я говорю о туше того дракона, из-за которого ты потащилась в такую даль. Или ты хочешь сказать, что оставила его где-то без присмотра, а сама явилась домой? Ты в своем уме?

Мне все стало ясно.

– Нет никакого дракона, – устало ответила я, выпуская колечко дыма и наблюдая, как оно уплывает в темноту.

– Что значит – нет?.. – Дед опешил, осел обратно в кресло и с такой силой вцепился в подлокотники, что я побоялась – как бы не сломал. Силы бы ему хватило, а кресло жаль, удобное.

– Могу повторить то, что рассказала Его величеству Арнелию сегодня на королевском совете. – Я подавила зевок. – Скала над пещерой держалась на честном слове. Она рухнула, дракон и принцесса остались под завалом. Не разгрести же его было?

Дед снова уставился на меня.

– Не заговаривай мне зубов, Флошша, – сказал он наконец. – Эту чушь ты можешь рассказывать хоть королевскому совету, хоть кому угодно, но не мне!.. – Он прокашлялся. – Не знаю, что опять взбрело тебе в голову... но надо ж было сотворить такую глупость!! Ты сама, своими руками лишила себя уникальной возможности...

– Скала рухнула сама, – сообщила я невозмутимо. Дед мог сколько угодно говорить мне об уникальных возможностях, но причина его негодования была мне предельно ясна – он рассчитывал принять участие во вскрытии дракона на правах моего ближайшего родственника и, кстати сказать, наставника. – А вообще-то меня никогда не тянуло копаться в чьих-то потрохах. И я, если на то пошло, не собираюсь посвящать жизнь исследованию драконов.

– Ты дура! – гаркнул дед, надолго закашлялся и просипел: – В точности, как твой покойный папаша!..

– Дурная наследственность, – ответила я. Разговор свернул со скользкой темы о причинах обрушения скалы в привычную колею, и я могла расслабиться. – Говорят, папа был вылитый ты в молодости.

– Флошша!.. – Дед окончательно вышел из себя, хотел было сказать еще что-то неприятное в мой адрес, но передумал и только плюнул: – И это моя наследница... С таким подходом к делу ты навсегда останешься ремесленницей! И прекрати дымить! Я все еще надеюсь дождаться от тебя здорового

наследника! – Дед уставился на меня исподлобья. – И я бы на твоём месте поторопился с этим, пока я ещё жив и могу сам заняться обучением правнука. Представить страшно, чему ты сможешь научить, с твоими-то способностями!

Я могла бы сказать, что я, с моими способностями и подходом к делу, небезосновательно считаюсь одним из лучших судебных магов в обитаемых краях, и клиенты ко мне в буквальном смысле выстраиваются в очередь. Дедушка же лет десять как отошел от дел – здоровье уже не позволяло ему отправляться по первому зову за тридевять земель на место преступления. И, кстати сказать, за наем его дома плачу я, я же нанимаю прислугу, равно как и оплачиваю небольшие дедовы прихоти. Но об этом лучше было помалкивать, иначе дед непременно заявил бы, что я попрекаю его куском хлеба на старости лет.

– Я понимаю, что тебе, с твоей страхолюдной рожей, на мужское внимание рассчитывать нечего, – заявил тем временем мой тактичный родственник. – Но зачаровать-то достойного мужика на ночь тебе по силам, я надеюсь?..

– Вполне, – миролюбиво кивнула я. Многих придворных кавалеров не смутила бы и моя физиономия (сказать по правде, не столько страхолюдная, сколько нетипичная для здешних мест). В конце концов, в темноте лица не видно, а любопытство разбирало всех – от зеленых юнцов до убеленных сединами отцов семейств. Предложения мне порой поступали вполне недвусмысленные, но я пропускала их мимо ушей: портить себе репутацию мимолетной интрижкой я не собиралась. Точно так же я не собиралась осчастливливать деда наследником, но об этом тоже лучше было помалкивать. Дед, сам потомственный судебный маг, был одержим идеей создания династии, и это у него почти получилось – я была уже четвертым в нашем роду судебным магом, но на этом дело застопорилось. – А лицом я, кстати, удалась в тебя.

– А, да что с тобой говорить... – махнул рукой дед. Времена, когда он мог мне указывать просто потому, что я была его внучкой и его ученицей, давно прошли, но он никак не мог этого осознать. – Бестолочь!

С этими словами он поднялся и прошествовал к дверям. Я знала, что за воротами его ждет наемный экипаж – заметила его в переулке, когда подъезжала к дому, но не придавала значения этому факту; мало ли кого могла ждать карета, – потому не предложила проводить.

Я поднялась наверх. Лелья, свернувшаяся клубочком в кресле, подняла голову, услышав мои шаги.

– Господин Нарен сильно сердился? – спросила она жалобно. – Я знаю, он не велел мне показываться, но Рима уже легла спать, и я решила сама подать ужин...

– Переживет, – отмахнулась я. Хотела бы я знать, за что дед так невзлюбил Лелью! – Давай-ка спать...

...Я решила отоспаться за все время, проведенное в пути, и открыла глаза только после полудня. Лелья знала о моей привычке подолгу валяться в кровати, когда дела позволяли, потому тяжелые портьеры с вечера были плотно задернуты, и в комнате царил приятный полумрак.

Я неторопливо поднялась, умылась, оделась и спустилась вниз. Лелья, вскочившая, как обычно, ни свет ни заря, подала мне завтрак и, пока я не спеша уничтожала Римину великолепную стряпню, пересказывала мне последние городские новости. Больше новостей меня интересовали слухи и сплетни, но за этим нужно было обращаться к Риме. Лелья чесать языком с другими служанками не умела и не любила, а вот Рима – та была прирожденной сплетницей.

– Ой, Фло, тебя какой-то господин ждет! – делано спохватилась Лелья, когда я покончила с завтраком.

– Давно ждет? – поинтересовалась я. Попытаться переделать Лелью было бесполезно: если я спала или трапезничала, тревожить меня она не позволяла. Любому посетителю, будь то хоть сам король, пришлось бы дожидаться ровно столько, сколько понадобится.

– Не больше часа, – успокоила Лелья. – Я спросила, срочное ли у него дело, а он сказал, что просто хочет с тобой поговорить и будет ждать, сколько придется...

– Ну что же, пойду взгляну на этого господина... – вздохнула я. Что-то в последнее время в мой дом зачастили гости...

...Дверь кабинета отворилась, пропуская посетителя. Им оказался высокий темноволосый мужчина средних лет. А может быть, и пожилой – по его лицу возраст не угадывался, в волосах не было заметно седины, да и двигался он не как старик, но вот взгляд... Взгляд принадлежал очень немолодому человеку. Нет, не человеку, поняла я, приглядевшись внимательнее.

– Добрый день, – произнесла я. – Что привело в мой скромный дом дракона?

– Добрый день, госпожа Нарен, – чуть наклонил голову мой гость, занимая свободное кресло. – Я вижу, мой маскарад вас не обманул.

– Может быть, представитесь? – предложила я.

– Называйте меня Гарреш, – сказал он.

– Чем могу быть полезна, господин Гарреш? – поинтересовалась я. Без сомнения, этот странный визит – драконы очень редко появлялись в наших городах, во всяком случае, без веской на то причины, – был связан с последним моим расследованием.

– Я... – Гарреш посмотрел на меня в упор, и я невольно вздрогнула. Этому дракону, похоже, было очень много лет, и он оказался первым существом в моей жизни, которому я не смогла смотреть в глаза. Я первой отвела взгляд, и Гарреш продолжил: – Я пришел поблагодарить вас за сына, госпожа Нарен.

– Я не совсем понимаю, что вы... – начала было я, но Гарреш перебил:

– Я знаю, что вы сделали и что рассказали королевскому совету, госпожа Нарен.

– Складывается впечатление, будто все уже знают, что я сделала... – проворчала я. – Вы-то как догадались?

– Эхо вашей магии еще держалось на том месте, когда я туда наведалься, – невесело улыбнулся Гарреш. – Не волнуйтесь, человеческие маги ничего бы не заметили даже сразу после обвала, вы в самом деле мастер своего дела, госпожа Нарен, но для нас...

Он не закончил, но я поняла и так – драконы куда ближе к магии, чем мы, люди, а потому наши жалкие попытки воздействовать с ее помощью на мир для них очевидны, как бы мы ни старались их скрыть.

– Откуда вы узнали о случившемся? – спросила я.

– Араш звал на помощь, – сказал Гарреш так, будто это все объясняло, однако, увидев, что я не вполне его понимаю, пояснил: – Мы чувствуем, когда с кем-то из нашего племени случается беда, особенно если это кто-то близкий. Мне трудно объяснить вам, как проделать это...

– Я всего лишь человек, – усмехнулась я.

– Верно, – без улыбки ответил Гарреш. – И все же, полагаю, услышать такой зов вы бы смогли, если бы знали, как настроиться на его восприятие.

– Любопытно было бы попробовать... – Я взглянула на гостя. – Однако сейчас речь не обо мне. Итак, вы услышали зов сына и...

– Бросился к нему, конечно, – ответил Гарреш. – Увы, я оказался слишком далеко... спешил, как мог, но чувствовал уже, что сыну помочь не успею. Я хотел спасти хотя бы эту девочку... Но опоздал. – Он помолчал, потом продолжил: – Я не знаю, почему вы это сделали, и я не буду спрашивать, потому что для меня это не важно. Я просто хотел поблагодарить вас за то, что мой сын остался в горах, а не попал на разделочный стол к вашим коллегам. – Гарреш помолчал, глядя в пол, потом добавил: – Араш был таким хорошим мальчиком...

– Он ваш единственный сын? – спросила я.

– Нет, – Гарреш покачал головой. – Третий, самый младший. Но от того, что у меня осталось еще двое сыновей, мне не легче, госпожа Нарен.

– Я понимаю, – сказала я.

– Он впервые влюбился... – Гарреш улыбнулся, взглянув на меня, но лучше бы он продолжал смотреть в пол. – Ему повезло, эта девочка, Майрин, она была такой... Я завидовал собственному сыну, можете себе представить? – Он умолк. –

Простите, что-то я заговорился. Мне пора, госпожа Нарен.

– Пойдите! – остановила его я. Редчайший случай – дракон в моем доме, разве же я могла отпустить его просто так! – Господин Гарреш, позвольте один вопрос. Возможно, он несколько не к месту, но... Позвольте?

– Задавайте ваш вопрос, – кивнул он.

– Почему вы похищаете человеческих девушек? – спросила я. – Над этим вопросом бьются лучшие умы, придумана масса теорий, но, как мне кажется, все это чушь.

– Все очень просто. – На этот раз Гарреш улыбнулся по-настоящему. – Нас не так уж мало, госпожа Нарен. Другое дело, что мы стараемся пореже показываться на глаза людям. Так вот... среди нас слишком много мужчин и очень мало женщин. Если бы не человеческие девушки, наш род давно бы угас. Я ответил на ваш вопрос?

– Но почему именно непорочные девы? – сорвалось у меня с языка. Тот факт, что женщины, случалось, рожали своим любовникам-драконам детей, сомнения не вызывал, как и то, что эти дети наследовали все особенности своих отцов, но вот это... – Это обычай или что-то иное?

– Этот вопрос уже сложнее. – Гарреш поставил локти на стол и подпер руками подбородок. – Почему-то именно в этом случае вероятность того, что у дракона и человеческой девушки появится потомство, наиболее велика. Часто случалось, что кто-то из нас выбирал не юную девушку, а, скажем, вдову или даже замужнюю... Я сейчас не говорю о чувствах, но детей у таких пар отчего-то не появлялось никогда. – Он вздохнул. – Я не знаю, в чем тут дело, если на то пошло, то теоретическая часть вопроса меня никогда не интересовала. – Гарреш искоса взглянул на меня. – Кстати, теперь вам понятно, отчего мы предпочитаем девиц благородного происхождения?

Я невольно усмехнулась. Еще бы! Чистоту наследниц благородных семейств блюдут с такой строгостью, что бедные девушки до замужества чаще всего и не подозревают, откуда берутся дети. И чем выше положение семьи в обществе, тем больше вероятность, что красавица-дочь окажется девственницей. Вот откуда сказки о похищенных принцессах – дело тут, оказывается, вовсе не в

богатом выкупе.

– Теперь понятно, – ответила я. – Простите за нескромный вопрос, господин Гарреш, а ваши сыновья от кого?

– Я женился на девушке из своего рода, – усмехнулся Гарреш. – В чем-то мне, можно сказать, повезло. Но Арашу я все равно завидовал. – Улыбка снова погасла. – Араш всегда был везунчиком. Ему и в этом улыбнулась удача, с первого же раза... – Гарреш опустил голову. – Они ведь были у нас в гостях недавно, моя супруга сразу все поняла, ее не проведешь. Знай я, как обернется дело, заставил бы Араша остаться с нами...

«Ему и в этом улыбнулась удача, с первого же раза», – повторила я про себя.

– В чем ему повезло? – спросила я, привстав из кресла и забывая, что я не допрос веду. – Господин Гарреш, что вы имели в виду?

Гарреш взглянул на меня непонимающе, потом, видимо, вспомнил собственные слова.

– Я хотел сказать, что мои старшие сыновья не спешат сделать меня дедом, а Араш...

Я, не дослушав, рухнула обратно в кресло. Ничего себе! Получается, обрушив эту клятую скалу, я изрядно облегчила жизнь не только себе самой, но и многим другим! Пес с ним, с Арашем, но принцесса! Если бы ее тело привезли в столицу и король Никкей настоял на точном определении причины ее смерти, то есть на вскрытии... Я даже вообразить не могу, какой бы произошел скандал! Вряд ли бы удалось утаить такое: единственная дочь, наследница – мало того что была похищена драконом, так еще и беременна от него! Думаю, не нужно объяснять, какие выводы могут сделать люди из такой новости. «Драконы воруют наших женщин, драконы используют их, как племенных кобыл, у драконов много золота...» – и люди схватятся за оружие. Короли, положим, неглупы, особенно наш Арнелий, но ослепленный горем Никкей мог бы выдать что-нибудь этакое, и... О спокойствии драконам можно было бы забыть навсегда. И тут уж не шла бы речь об относительно мирном сосуществовании...

Возможно, мне стоит почаще давать волю сентиментальности?

Гарреш внимательно наблюдал за сменой выражений моего лица.

– Я вижу, вы все поняли, госпожа Нарен, – тихо сказал он. – Думаю, мне стоит поблагодарить вас не только за своего сына, но и за многих других... которые останутся живы. Прощайте.

Он положил что-то на стол и направился к двери.

– Заберите, – окликнула я, даже не прикасаясь к оставленной Гаррешем вещице. – Я сделала это не за плату.

– Это не плата, – возразил Гарреш, открывая дверь. – Это подарок.

Я взяла вещицу в руки. Небольшой, с полпальца длиной гладкий камешек угольно-черного цвета, на простой цепочке. На вид – обычная речная галька, а на самом деле... А на самом деле – непонятно. Я знала, что обычных подарков драконы не делают (не считая тех случаев, когда осыпают драгоценностями понравившихся девиц), а потому к камешку стоило относиться с уважением, по крайней мере до тех пор, пока я не пойму, что это такое и для чего оно предназначено...

...Несколькими днями позже я прогуливалась по дворцовому парку. Мне назначила встречу одна из придворных дам, собиралась нанять меня для какой-то ерунды, при этом за хорошие деньги, но на свидание не явилась. Видимо, решила, что выследить, к какой красотке таскается ее муж, дешевле станет с помощью парочки наемников. Не пришла так не пришла, я прошла по аллее, заглянула в пруд, где летом плавали лебеди, отметила, что его давно пора чистить, иначе вскоре лебеди будут шлепать по болоту, и совсем было собралась идти к выходу, как сзади послышался громкий топот. Кто-то очень торопился мне вдогонку, и я любезно решила подождать и посмотреть, кому не терпится меня увидеть. Вряд ли придворная дама стала бы так топтать, стало быть, это мужчина. Интересно, кто именно?

Это оказался мой знакомый лейтенант. Видимо, Его величество все же сжалился и решил не разжаловать мальчишку в простые солдаты, или же знатные родственники замолвили за него словечко. Хотя... при взгляде на лейтенанта и мысли не возникнет, будто у него могут оказаться знатные родственники!

Сравнить хотя бы с другими молодыми гвардейцами: форма формой, от нее никуда не денешься, но – рубашки из тончайшей дорогой материи, шпаги от знаменитых оружейников, до блеска вычищенные сапоги из лучшей кожи... Этот же определенно жил только на собственное жалованье. Не могу сказать, что он был неопрятен или плохо одет, нет, скорее наоборот, он был подтянут, очень аккуратен, но это была истовая аккуратность, свойственная бедным. Отчего-то угадывалось, что даже шпага у него не фамильная, а казенная, а за душой ни гроша. Младший сын в большой и бедной семье? Связей хватило, чтобы пристроить мальчишку в гвардию, но содержать его уже не получается? Должно быть, он еще бо?льшую часть жалованья отсылает домой... Да, пожалуй, так и есть.

– Г-госпожа Нарен!.. – выпалил лейтенант, добежав до меня.

– Война началась? – спросила я. Облако дыма достигло мальчишки, и он закашлялся. Мерзавец этакий, ведь это лучший карис, какой только можно купить в Арастене! Контрабандный, между прочим... – Или короля убили?

– Почему вы так решили? – изумился он.

– А зачем иначе вы за мной бежали? – подняла я бровь. – Вероятно, чтобы вызвать во дворец по срочному делу. Или вы не за мной бежали?

– За вами... – Лейтенант заметно покраснел. – Госпожа Нарен, я хотел вам сказать... в общем... – Я терпеливо ждала. Лейтенант наконец перестал мямлить и, посмотрев мне в лицо, неожиданно зло выпалил: – Вы знаете, что того солдата повесили?

– Какого еще солдата? – без особого интереса спросила я, глядя на него в упор.

– Того, что закричал тогда в горах... – Лейтенант сглотнул. Очевидно, он собирался сказать мне много всего, возможно, даже отрепетировал речь, но под моим немигающим взглядом явно ее позабыл. – Когда скала обвалилась...

– Ах, этого... – Я посмотрела на холодное серое небо. Интересно, настоящая зима в этом году собирается наступать или нет? – И при чем здесь я?

– Но... – Лейтенант потерял дар речи. Вероятно, он ожидал, что я буду скорбеть вместе с ним. – Неужели вы... вам... все равно?!

– Если вы считаете, что мне должно быть его жаль, то вы ошиблись, – холодно произнесла я. Пожалуй, мне в самом деле было чуточку жаль бедолагу, попавшего под горячую руку, – вероятно, это король Никкей настоял на казни, Арнелий, как я уже говорила, отходчив, да и не его ведь дочь погибла, – вот только в свете того, что поведал мне Гарреш, судьба одного солдата не представлялась чем-то особенно значительным. Пусть на этом Никкей и успокоится и не станет докапываться до сути... – Вы бы лучше порадовались, что не болтаетесь рядом с ним.

Лейтенант побелел так, что стали видны все его веснушки. Интересно, а как поведет себя это тепличное создание в бою, если вдруг война случится?

– Вы... вы... – выговорил он онемевшими губами. – Вы чудовище!..

На мгновение повисла тишина. Вероятно, мальчишка ожидал, что я испепелю его на месте, но я не собиралась оправдывать его ожиданий.

– Лейтенант, я не превращу вас за эти слова в жабу только по одной причине, – произнесла я сухо, – вы умрете с голоду – вам ведь будет жаль ловить комаров. Постарайтесь больше не попадаться мне на глаза. Второй раз я могу и не сдержаться.

Я неторопливо зашагала дальше по аллее, чувствуя спиной взгляд лейтенанта. Похоже, у меня прибавилось врагов. Впрочем, одним больше, одним меньше – особого значения уже не имеет.

С той придворной дамой я все же встретила: она, бедняжка, заплутала в парке – это настоящий лабиринт. А поскольку провожатых она по понятным причинам с собой не взяла, то и вывести ее на нужную аллею было некому. Столкнулись мы совершенно случайно, чему дама весьма обрадовалась, а я не слишком. Впрочем, услышав, зачем дама хочет меня нанять, я немного развеселилась. Оказывается, проследить нужно было вовсе не за мужем дамы («Я и так знаю, к кому он таскается», – заявила стареющая красотка), а за одним из ее любовников, которого дама, несмотря на все свои старания, выследить ни самолично, ни с помощью наперсниц не могла. Сей достойный юноша, по ее

словам, проявлял просто-таки сверхъестественные способности к маскировке и уходу от слежки. Дама подозревала, что тут дело не обошлось без магии, потому и обратилась ко мне. И так далее, и так далее... Платила она щедро, а я не гнушаюсь даже такими мелочами, когда нет более крупных заказов.

Это поручение я, к слову сказать, выполнила. Как выяснилось, все было проще простого, никакой магией там и не пахло. Ушлый молодой человек переодевал в свое платье доверенного слугу, схожего с ним ростом и фигурой, а тот, выросший на городских улицах и знающий каждый закоулок, легко уходил от дилетантской слежки. Сам же юноша, избавившись от пристального внимания престарелой красотки, тем временем навещал ее старшую дочь. Скандал в благородном семействе разразился оглушительный, но в конце концов все устроилось к обоюдному удовольствию: молодого человека женили на обещанной девице (он не возражал, ибо за ней давали солидное приданое, и кроме того, семья, в которую он вошел, была много знатнее его собственной), а ее матушка утешилась обществом троих оставшихся у нее кавалеров.

Впрочем, меня это уже мало занимало. После этого заказа я получила еще несколько и, как обычно, с головой погрузилась в работу.

Безутешный король Никкей тем временем отбыл к себе на родину, в сопредельную Стальвию, после чего все во дворце вздохнули с облегчением: принимать августейшего собрата, невзирая на траур, следовало пышно, а наш Арнелий тратиться попусту не любил, вследствие чего в последнее время пребывал в дурном настроении. Теперь же все мало-помалу входило в привычную колею...

Глава 2

Моя крепость

Ранним холодным утром я завтракала перед тем, как отбыть на место очередного преступления, совершенного на окраине города, и слушала болтовню Лельи. В неверном свете двух свечей ее рыжие волосы казались золотыми, а милое курносое личико выглядело неожиданно взрослым и таинственным.

– Что-что? – услышала я вдруг нечто, показавшееся мне любопытным. – Повтори-ка, что ты сказала?

– Ой, Фло, да чепуха... – попробовала было увильнуть Лелья, но тут же сдалась. – Господин Саврин с нашей улицы, ну, младший сын купца Саврина, мне предложение сделал... говорит, выкуплю тебя у хозяйки и женюсь на тебе...

– А отец свою палку об его спину после этого не обломает? – хмыкнула я. – Или, вероятнее, до этого, как только прослышит о деточкиных забавах.

– Не-ет! – Лелья подняла на меня по-детски круглые голубые глазищи. – Отец его любит, он старших троих женил выгодно, а младшему все позволяет...

– Полагаю, жениться на тебе младший Саврин не собирается, – холодно сказала я. – Позабавится с годик, потом ты ему надоешь, и он продаст тебя следующему хозяину, только и всего. Впрочем, я в любом случае тебя продавать не собираюсь, и довольна об этом.

– Я так и подумала, Фло! – Лелья завладела моей рукой и прижала ее к нежной щеке. – Ты меня никому не отдашь?

– Никому, – подтвердила я, взъерошив ее роскошные кудри. – А с младшим Саврином я побеседую, чтобы перестал глупости городить. Кстати, может, еще кто тебе предложения делал?

– Делали... – заметно покраснела Лелья. – Только уж жениться не обещали и выкупить тоже. Просто говорили, мол, пойдем со мной, а уж денег сулили...

– Хм... – произнесла я. Однако... вот вам и приличная улица! Впрочем, что уж тут, Лелья выросла красавицей, а почтенные купцы – тоже мужчины, которым, думаю, надоели постаревшие и подурневшие жены и которых потянуло на юную необычную красоту. А что уж говорить о купеческих сынках, которые никогда ни в чем не знали отказа! – Вот что, Лелья. Одна чтобы больше на улицу носа не казала. Если на рынок – то с Римой, а лучше Дима с собой берите. Заодно покупки донесет. А то знаю я этих купчиков...

– Ты обо мне беспокоишься?.. – удивленно спросила Лелья, глядя на меня снизу вверх.

– Конечно, – усмехнулась я. – Попортят ведь такую красоту, охальники. Все, мне пора. Не жди меня, не знаю, когда вернусь.

– Возвращайся скорей! – жалобно попросила Лелья. – Без тебя скучно...

Я вышла, ничего не ответив. Можно подумать, со мной весело! Когда я не занята делом и не принимаю посетителей, я чаще всего или размышляю, глядя в потолок и дымя трубкой, или читаю, или просто сплю – бывает, что на сон у меня времени вовсе не остается, так что приходится отсыпаться впрок. На пустопорожние разговоры у меня нет ни времени, ни желания, да и о чем можно разговаривать с Лельей? Она в жизни ничего не видела, кроме моего дома и пары окрестных улиц, даже невольничий рынок и родной остров она почти не помнит. Ну, перескажет она мне городские новости, и только-то. А я – не стану же я с ней делиться своими идеями по поводу очередного расследования! Да и не поймет она. Славная, конечно, девочка, я к ней привыкла, и за домом она хорошо следит, но и только. А что так ко мне привязана... ну что ж с того, собаки к хозяевам тоже привязываются, скупают без них, а как хозяин в дом – то-то псу радости! Должно быть, Лельино веселье той же разновидности.

А вот купчин все же стоит предупредить, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них мою Лелью обрюхатит, – мне только этого еще и не хватало!..

Некоторое время спустя я вернулась домой глубокой ночью, если не сказать очень ранним утром. И до места, и обратно меня на сей раз отвозил экипаж заказчика, так что будить конюха не пришлось. Я тихо прошла в дом, там тоже царил тишина. Негромко похрапывала в своей комнатке кухарка Рима, Лелья, наверно, тоже давно спала; я, помнится, говорила, чтобы не ждали меня. Хотя с нее станется полуночничать...

Я поднялась в свою комнату, не зажигая свечей, не спеша переоделась на ночь и начала было расчесывать волосы, как вдруг почувствовала чье-то присутствие.

– Лелья? – негромко спросила я, понимая уже, что это не Лелья, в доме кто-то чужой. Предпринять я ничего не успела, отвлеченная внезапной мыслью – а что

с Лельей и где она? Секундой позже сильнейший удар обрушился мне на затылок, а лицо закрыла смоченная чем-то отчаянно вонючим тряпка...

...Очнулась я от холода и от тряски. Меня определенно куда-то везли, причем, судя по тому, как подбрасывало повозку, мы были уже не на тщательно замощенных улицах Заречья, а где-то на окраинах. Однако... долго же я провалялась без сознания!

Обнаруживать перед своими похитителями тот факт, что я пришла в себя, я, конечно, не стала. Раз уж попалась по-глупому, теперь придется выкручиваться... Не меняя ритма дыхания, не дав даже реснице лишний раз дрогнуть, – чему-чему, а управлению собственным телом хороший маг учится раньше, чем читать и писать, – я прислушалась к своим ощущениям. Затылок ноет, это естественно, после такого-то удара. Подташнивает – очевидно, из-за той вонючей дряни. Просто оглушить меня похитителям показалось мало, решили подстраховаться каким-то дурманящим составом, сейчас уже не важно, каким именно. Руки связаны так, что даже пальцем не пошевелить. Похоже, кисти рук еще и замотаны чем-то вроде мешковины. Ноги тоже связаны. Во рту кляп, глаза завязаны. Любопытно. Крайне любопытно.

Неизвестные похитители совершили поступок крайне опрометчивый. Похищение судебного мага, более того, умышленное создание угрозы жизни такого мага карается всегда одинаково – немедленной смертью. Таков закон Коллегии магов, и ни один властитель против этого закона не пойдет: настоящих судебных магов очень мало, и они слишком ценны. На моем веку меня не раз пытались убить, но это все были то грабители с большой дороги, понятия не имеющие, кто я такая, то преступники, слишком сильно боявшиеся разоблачения. Наемных убийц, помню, подсылали всего однажды. Заказчиков они выдали на первом же допросе, ну а после их казни таких покушений больше не случалось. Но все это было понятно. А вот то, что сотворили мои похитители, ни в какие ворота не лезло!

Зачем им понадобилось меня похищать? И к тому же предпринимать меры, которые, несомненно, правильны и обоснованны при захвате любого мага? Эти люди не могли не знать, кто я такая, раз уж забрались в мой дом, они знали, что я судебный маг, возможно, слышали о том, что я маг независимый, но... Похоже, ключевым для них в любом случае являлось слово «маг». Тогда все верно. Чтобы лишить классического мага возможности работать, нужно обездвигить его руки, да и ноги тоже (хорошо еще, конечности мне просто связали, а не

переломали, с них бы случилось), а также как следует заткнуть рот. Увы, классическая магия именно этим и уязвима – магу нужны свободные руки (или хотя бы пальцы) для произведения пассов, а также рот – для произнесения нужных формул, в просторечии именуемых заклинаниями. Так что, по идее, похитители все сделали верно. Но, совершенно очевидно, они не знали, чем независимый маг отличается от мага классического.

Мои размышления прервала резкая остановка: видимо, мы прибыли на место. Кто-то, кряхтя от натуги, попытался вытащить меня из повозки, потерпел неудачу (поднять абсолютно расслабленное тело, да еще такое увесистое, как мое, задача не из простых даже для сильного мужчины), и за дело принялись уже вдвоем. Меня потащили куда-то вниз, очевидно, в подвал.

– Привезли, – сказал хриплый мужской голос, когда меня без особой осторожности уложили на холодный каменный пол.

– Отлично, – ответил другой голос, моложе и звонче. – Давайте-ка помогите мне.

Кто-то принялся распутывать мне руки. Потом меня снова подняли и, не без натуги удерживая в вертикальном положении (я искренне наслаждалась доставляемыми своим похитителям трудностями), защелкнули на моих запястьях холодные металлические браслеты. Хорошо хоть догадались не разматывать кисти рук, олухи... Висеть на руках, да еще когда кандалы впиваются в кожу, было больно и неудобно, поэтому я решила, что пора приходить в себя.

– Смотри-ка, оклемалась! – удивленно произнес уже знакомый хриплый голос, и с моих глаз сдернули повязку, выдрав при этом изрядный клочок неприбранных волос. – Сильна баба!

– Заткнись и выйди за дверь. Посторожи там, – велел второй голос. Чуть повернув голову, я увидела поразительно знакомое лицо. Вот только вспомнить бы теперь, где именно я его видела. И ведь неоднократно встречала этого по-военному подтянутого молодого человека...

Впрочем, не столь интересно, где я его встречала. Куда более важно, в каком положении я нахожусь. Что ж... Фактически распята на каменной стене, спине, между прочим, холодно, а кисти рук уже онемели. Бывало и хуже...

– Теперь вы все нам расскажете, – вежливо произнес молодой человек. – Все, как было на самом деле, без утайки.

Я поглядела на него как на умалишенного и, если бы могла, покрутила бы пальцем у виска. Интересно, как он предполагает, я должна все рассказать, если у меня во рту кляп?

Видимо, понял это и второй мужчина, обладатель хриплого голоса, все никак не могущий собраться выйти за дверь (видимо, его снедало любопытство), потому что тронул за рукав своего командира – сразу чувствовалось, что, несмотря на молодость, именно этот парень тут главный, – и указал на злосчастный кляп.

– Но если его вынуть, она же сможет колдовать, – обескураженно произнес молодой человек. К такому повороту событий он явно не был готов. Что поделать, искусство допрашивать магов дано не каждому. Этому, знаете ли, тоже нужно учиться, долго и упорно. Подобные мастера есть только у Коллегии – теоретически, во всяком случае, – и ценятся они не менее судебных магов.

– Ну, чтобы произнести заклинание, ей потребуется время, – вступил третий персонаж, выглядящий столь же молодо, как и главарь этой шайки. – Мы успеем среагировать. Потом я точно знаю, что простые словесные заклинания обычно не очень действенны, магам нужна помощь рук, а руками она двигать не может.

– Ну ладно, – нехотя согласился главарь и вытащил у меня изо рта скомканную тряпку, после чего послал обладателю хриплого голоса свирепый взгляд. Тот, поняв, видимо, что при нем больше ничего интересного сказано не будет, покорно отправился вверх по лестнице – я услышала, как хлопнула дверь.

Первое, что я сделала, – это от души плюнула на пол, стараясь избавиться от гадкого привкуса грязной материи во рту, и только потом угрюмо спросила:

– Молодые люди, вы хотя бы понимаете, что сотворили?

– Прекрасно понимаем, можете быть уверены, – сказал главарь.

– Вы знаете, что? полагается за покушение на судебного мага? – поинтересовалась я.

– Знаем, – кивнул главарь. – Вот как раз об этом мы прекрасно осведомлены, так что давайте не будем больше отвлекаться. Нам нужно получить от вас вполне конкретные сведения, только и всего.

– Ну а после этого, надо полагать, вы меня отпустите, – хмыкнула я.

– Вы же не столь наивны, чтобы в это поверить, даже если мы пообещаем, – сказал главарь. – Мы ведь не самоубийцы. Но если вы расскажете все добровольно, я обещаю, что вы умрете быстро. Если же нет... ну что ж... Стены тут толстые. Никто ничего не услышит.

– Весьма любопытно, – усмехнулась я, пытаюсь сдуть со лба прядь волос. – И что же это за сведения такие, ради которых вы рискнули напасть на меня в моем собственном доме?

– Мы хотим знать, как на самом деле погибла принцесса Майрин, – негромко произнес другой юноша, сделав шаг вперед. – Вы должны рассказать нам. Вы наверняка это знаете, но по каким-то причинам предпочли скрыть эти сведения.

– Ах вот оно что... – протянула я. Ну конечно, вот где я видела этих мальчишек – в свите короля Никкея! Военную выправку не скроешь, даже сняв мундир. Должно быть, это молодые офицеры, которые, как водится, были по уши влюблены в погибшую принцессу. Но какими же надо быть идиотами, чтобы учинить эдакое безобразие! – А Его величество Никкей знает, как в свободное время развлекаются офицеры его гвардии?

– Король ничего не знает! – грубо оборвал главарь. – Это наше личное дело!

Как бы не так! Ни за что не поверю, будто парочка несчастных влюбленных при поддержке какого-то головореза пошла на подобное преступление просто чтобы выведать, как умерла принцесса Майрин. Нет, за ними определенно кто-то стоит, глупых щенков умело науськали, но вот кто? И зачем? Впрочем, думаю, вскоре они сами мне об этом расскажут.

– Говори, – велел этот самонадеянный мальчишка, поднося к моим глазам острый нож. – Лучше говори по-хорошему, слышишь, ты, ведьма?!

«За «ведьму» тебе дополнительная оплеуха», – мысленно пообещала я. Додумался тоже... Назвать судебного мага ведьмой! Это надо вовсе никакого соображения не иметь...

Острое лезвие коснулось моей шеи, пореза я не почувствовала, но кожу защекотали капли крови. Ерунда какая, он что, вздумал меня этим запугать? Ладно. Пора заканчивать с этим балаганом и устроить настоящий разговор по душам...

В словосочетании «независимый судебный маг» ключевым, как ни странно, является слово «независимый». Оно обозначает не только и не столько нашу независимость от любых властей. О нет, все несколько сложнее! Мы не зависим не только от королей и прочих властителей, но и от той самой составляющей классической магии, которая делает такими уязвимыми ее последователей. Проще говоря, мне нет нужды бормотать заклинания и размахивать руками, чтобы предпринять какие-то действия, например, превратить в ржавчину мои оковы. Разумеется, для особенно сложных и опасных заклятий требуются некоторые элементы магии классической, но сейчас я не собиралась применять силы стихий или устраивать землетрясение. Мне нужно было всего-навсего освободиться из оков...

Но в тот самый момент, когда только что плотно охватывавшие мои запястья металлические кольца жалкими струйками ржавой трухи осыпались на пол, произошло нечто, спутавшее все мои планы. Дверь, ведущая в подвал, с грохотом вылетела, и внутрь ворвались двое. Главарь, все еще прижимающий лезвие ножа к моей шее, вздрогнул, наваливаясь на меня всей своей тяжестью, и рухнул на пол: между лопаток у него торчала рукоять метательного ножа, вошедшего в тело чуть не на всю длину лезвия. Второй юноша медленно сползал по стене, пытаясь зажать рану на шее. Кровь хлестала фонтаном, должно быть, еще один брошенный нож зацепил артерию. Через пару секунд с ним все было кончено, а я смогла рассмотреть своих спасителей. То, что это именно спасители, я поняла, как только взглянула на первого из вояк.

– Госпожа Нарен! – воскликнул он. – Вы... с вами все в порядке?

– Несомненно, – ответила я, сдирая с рук щедро намотанные тряпки. – Чего не скажешь об этих бедолагах... Я, конечно, очень признательна вам за вмешательство, однако, лейтенант, вы в рвении своем лишили меня возможности доверительно побеседовать с этими двумя господами, ныне, увы, покойными.

Лейтенант – а это, как нетрудно догадаться, был именно тот самый мальчишка, который сопровождал меня в моем путешествии в горы, – смешался. Очевидно, он рассчитывал предстать героем, спасшим юную деву. Увы, я мало того что давно не дева, так еще и далеко не юная, да и со спасением своим вполне справилась бы сама.

К несчастью, бросать остро отточенные железки лейтенант умел отлично – оба моих похитителя были мертвы окончательно и бесповоротно. Надо полагать, третьего их поделника, стоявшего на страже, постигла та же печальная участь. Хм... как любопытно: я была уверена, что у лейтенанта нервная организация певчей птички, однако же при виде мертвецов – причем, прошу заметить, собственноручно упокоенных – в обморок он не валится, да и рвотных позывов явно не испытывает. Неужто это у него не первые... «клиенты»? Вот уж никогда бы не подумала...

– Г-госпожа Нарен, – выдавил было лейтенант, но я, отстранив его, уже направлялась вверх по лестнице. Так и есть, третий мужчина тоже мертв. – Но кто это был? Зачем они похитили вас?

– Лейтенант! – Я остановилась и посмотрела на него через плечо. – Я же ясно вам сказала – благодаря вашей прыти я не успела этого выяснить. Вернее, я знаю, и кто они такие, и чего от меня хотели – они, видите ли, любезно сообщили мне об этом, – но и только.

– Разве этого мало? – Мальчишка дерзко уставился на меня снизу вверх.

– Представьте себе, да, – ответила я, выходя на улицу.

Так и есть, Старый город, самая окраина, какой-то заброшенный дом. Рассвет только-только занимался – что поделывать, поздняя осень, светает поздно...

В задумчивости я перешла на другую сторону улицы, повернулась, посмотрела на дом еще раз. Нет. Что-то здесь не так... Кто отправил этих молодых глупцов за мной? Зачем потребовалось выяснять истинные обстоятельства смерти стальвийской принцессы? И кому? Охотно верю, что не самому королю Никкею, но, вероятно, кому-то из его ближайшего окружения. И что же, этот кто-то не знал отличия независимого мага от классического? Или он намеренно не сообщил об этом различии своим исполнителям? Очень странно. Проще всего, конечно, было поверить, что мальчишки устроили все это по собственной глупости, но я привыкла доверять своей интуиции, без которой хорошему магу никуда, а та в голос кричала, что дело нечисто. Возможно, меня просто предупредили? Пока предупредили... Вот только о чем? Сплошные загадки!

Ну что ж... На то и существуют загадки, чтобы можно было искать к ним разгадки, и я докопаюсь до истины. Тем более что это дело непосредственно касается моей драгоценной особы.

– Госпожа Нарен, – негромко произнес рядом голос лейтенанта. – Так все же... кто это был?

– Молодые идиоты вроде вас, – охотно ответила я. Смерила взглядом спутника лейтенанта, пожилого, но крепкого капрала, скалой возвышавшегося за спиной мальчишки. – Капрал, у вас закурить не найдется?

– Найдется, как не найтись, – поспешил заверить тот. – Только... госпожа... у нас, того, карис из дешевых...

– Все равно, – махнула я рукой и тут же получила ловко свернутую самокрутку. Огонек привычно вспыхнул сам собой, и я глубоко затянулась солдатским горлодером.

– Я обязан доложить своему командованию, – заявил лейтенант, что-то обмозговав: на лице его отражалась усиленная работа мысли.

– О чем? – удивилась я.

– О нападении на вас, – еще больше удивился лейтенант. – В конце концов, есть доказательства – тела этих троих. И... госпожа Нарен, я вспомнил, где видел одного – он был в свите Его величества Никкея...

– Вот именно, – сказала я резко. – Именно поэтому вы никому ни о чем не будете докладывать. И доказательств никаких нет.

– Почему нет, а как же... – начал было лейтенант, но я жестом велела ему замолчать, с удовольствием затянулась еще раз.

Искра сорвалась с догорающей самокрутки, канула в темноту. Я на мгновение сосредоточилась. А еще через секунду покинутый нами дом вспыхнул жарким и страшным пламенем, от которого крошился камень стен, а уж от тел не должно было остаться даже пепла.

– Никаких доказательств, – удовлетворенно произнесла я. – Вам ясно, лейтенант?

– Но... – не успокаивался он.

– Мне странно, что я должна объяснять вам такие вещи, – сказала я. – Лейтенант, вам так хочется поучаствовать в военных действиях? Могу вас заверить, это очень скучное занятие.

Кажется, до мальчишки стало доходить. Если подданные одного короля, более того, его офицеры, покушаются на жизнь судебного мага, находящегося под покровительством другого короля, это отличный повод для развязывания военных действий. Никто никогда не поверит, что эти глупцы пошли на такое из-за несчастной любви к принцессе Майрин. Люди скорее поверят, что они сделали это по заданию своего повелителя, дабы осложнить жизнь августейшему соседу. Хм... а не было как раз это целью неизвестного пока подстрекателя? Версия не хуже прочих, стоит ее запомнить! Выходит, я поломала ему игру, уничтожив все улики. Тоже неплохо.

– Кстати, лейтенант, а как вы тут оказались? – довольно дружелюбно осведомилась я.

Тот встrepенулcя, очнулcя от тяжких дум, кажется, только теперь заметил, что на мне надета одна лишь сорочка, едва прикрывающая колени (а на дворе, между прочим, осень, и прехолодная), и бросился сдирать с себя форменную куртку.

– Бросьте, – лениво сказала я. – Во-первых, мне не холодно, во-вторых, ваш мундир на меня не налезет.

Капрал оказался расторопнее своего командира, накинул мне на плечи свою куртку. Я поблагодарила, мысленно усмехнувшись, – ноги-то все равно остались босыми. Ну да ничего, я в самом деле способна не чувствовать холода, для этого даже усилий особых не требуется.

– Так как вы тут оказались? – повторила я вопрос.

– Я... – Лейтенант выдохнул, как перед прыжком в воду. – Я следил за вами, госпожа Нарен...

– Зачем? – поразила я.

– Я... – Лейтенант выразительно посмотрел на капрала, и тот, повинувшись молчаливому указанию, отошел подальше, чтобы не слышать нашего разговора. – Тогда в парке... вы говорили ужасные вещи, и я...

– Вы решили последить за мной и убедиться, что я не только говорю «ужасные вещи», но и в целом представляю собой кошмарное создание, – закончила я.

– Нет... – Лейтенант смотрел в землю. – Все не так... Я все думал – про ту скалу. А потом я увидел... я за вами следил и видел, что вы можете делать, – вот как сейчас!

– Лейтенант, вы не могли бы выражаться более связно? – попросила я. – Я с трудом слежу за полетом вашей мысли.

– Да... – Мальчишка слегка покраснел, но собрался с духом и почти перестал запинаться. – Я понял, что вы можете делать разные вещи... ну, колдовать, но не как королевские маги. Вы... ведь это вы сейчас подожгли дом?

– Конечно, я, – подтвердила я. – Не думаете же вы, будто эта рухлядь вспыхнула сама по себе, да так удачно, что ни один из соседних домов не загорелся, а на улицу до сих пор никто носа не высунул и не заблажил на весь город о пожаре?

– Ну вот... – Лейтенант взглянул мне в лицо. – И ту скалу над пещерой тоже обрушили вы!

– Потрясающая логика! – усмехнулась я. – Мой наставник был бы в восторге: из того, что я могу сжечь дом, следует, что скалу тоже обрушила я. Но ладно, лейтенант, не буду вас мучить. Вы правы.

– Но зачем? – На лице мальчишки читалось такое мучительное желание понять, что я сжалилась.

– Лейтенант, вы поверите, что я это сделала из сострадания? – спросила я медленно. Не поверит. Ну что ж...

– Из сострадания? К кому? – удивился он и вдруг хлопнул девически длинными ресницами. – Вы хотите сказать, чтобы не... чтобы они остались... вместе?

– Вы просто поразительно догадливы, – хмыкнула я. – Именно так. А впоследствии выяснились еще кое-какие обстоятельства, знать о которых вам не положено, но которые только убедили меня в правильности выбранного решения. И еще, лейтенант. Раз уж вам так дорог был тот повешенный солдат... Могу вас заверить – такое развитие событий в мои планы не входило.

– Я уже понял... – мрачно ответил он. – Это Его величество Никкей настоял... Я непозволительно вел себя тогда, госпожа Нарен. Я приношу свои извинения.

– Считайте, что я их приняла, – вздохнула я. Внезапно меня осенило: – А скажите-ка, лейтенант... Кстати, напомните, как вас зовут?

Обычно я не жалуясь на память, но фамилия лейтенанта начисто вылетела у меня из головы, что и неудивительно – меня ведь по ней били. Я помнила только, что звучит эта фамилия как-то по-дурацки.

– Лауринь, – ответил он. – Лейтенант Лауринь к вашим услугам, госпожа Нарен.

«Точно, дурацкая фамилия», – подумала я, вслух же продолжила:

– Вы говорите, что следили за мной. Вы ничего подозрительного не заметили?

– В каком роде подозрительного? – не понял он. Все ясно, что с него взять – он все-таки младший офицер королевской гвардии, а не профессиональный сыщик. Даже если он что-то видел, то все равно не понял, что? именно увидел.

– Ну, скажем, не таскался ли за мной еще кто-нибудь, помимо вас, – терпеливо пояснила я. – Не толкся ли возле моего дома подозрительный одноглазый тип с фальшивой бородой и на костылях...

– Нет, ничего такого я... – начал было Лауринь, не уловив иронии, но вдруг осекся: – Я... я не знаю, насколько это важно, но...

– Ну, говорите уже, что вы мямлите! – Я начала сердиться.

– Красивая девушка, которая живет в вашем доме... – Глаза лейтенанта на мгновение подернулись мечтательной дымкой. – Когда она выходила из дому, наверно, на рынок, – она возвращалась с корзиной... Я два раза видел, что к ней подходил один и тот же мужчина, и они подолгу с ним разговаривали.

– Опишите-ка мне его, – велела я. Скорее всего, Лауринь видел младшего Саврина или еще кого-то из купцов с нашей улицы.

Однако по мере того как лейтенант описывал внешность загадочного незнакомца, я все больше убеждалась – это не Саврин и не кто-то иной из купцов. Совершенно незнакомый человек – Лауринь описал его очень подробно. Я, кстати сказать, была приятно удивлена: у мальчишки оказалась превосходная зрительная память, да и в наблюдательности ему нельзя было отказать. К тому же он умудрился следить за мной так, что я его не заметила, а это дорогого стоит. Вот если бы только слова из него не приходилось вытаскивать, словно клещами!

«Впрочем, что это я!» – спохватилась я. Последний разум отшибло! Какой же это «совершенно незнакомый человек»? Это тот, третий из моих похитителей, с хрипатым голосом! Тогда все сходится. Видимо, он пытался вызнать у Лельи о моих привычках, когда я возвращаюсь, кто еще живет в доме...

Стоп! По спине побежали ледяные мурашки, и я невольно поежилась. Как эти люди попали в дом? Так просто забраться к нам невозможно – я установила кое-

какую защиту от непрошенных посетителей. Для моих домочадцев эта защита не помеха, она настроена так, чтобы пропускать своих. Или тех, кого они приведут с собой по доброй воле.

Вот, значит, как... Кто-то из троих, живущих в доме, впустил моих похитителей. Кто именно? Конюх Дим? Вряд ли. Он и в доме-то дальше кухни не бывает, живет в комнатухе над конюшней, ему лишь бы возиться с лошадьми. Если честно, на голову он слабоват, и каких-то интриг от бедолаги ждать просто глупо. Кухарка Рима? Возможно, но маловероятно. Зачем это ей? Что такого ей могли посулить? Рима вредная старуха, с ней даже дед мой не спорит, но она хоть и ворчит непрестанно, хорошо ко мне относится. По сравнению с прежними ее хозяевами я, должно быть, в самом деле чудесное создание. Рима уже немолода, лишись она хозяйки, ее ждет в лучшем случае работа посудомойкой в какой-нибудь дрянной харчевне – никто не купит старую кухарку с дурным характером, если мое имущество пойдет с молотка. Нет, Риме не было смысла делать этого. К тому же она подозрительна и довольно умна, и о любой попытке узнать что-то обо мне тут же бы мне и рассказала.

Остается Лелья. Моя маленькая красавица Лелья...

– Лейтенант, – сказала я сквозь зубы. – Вы ведь наверняка прибыли сюда верхом?

– Да, госпожа Нарен, – охотно откликнулся он.

– Приведите мне лошадь, – велела я. – Вы поедете со мной. Капрал, я полагаю, вы сможете добраться до казарм пешком?

– Да зачем же, госпожа Нарен? – ответил тот. – Я из повозки лошадку выпряг, не пропадать же ей, уж как-нибудь дотрюхаю и без седла...

– Тем лучше, – кивнула я. – Едем.

Лейтенант уставился на меня, приоткрыв рот, когда я взлетела в седло рослого каурого мерина ресской породы, принадлежавшего капралу. Полагаю, столбняк у него вызвало не мое мастерство наездницы, а бесстыдно задравшаяся сорочка. Лично мне до этого дела не было, кожа – она и есть кожа, что на руках, что на ляжках, но Лауринь, очевидно, отличался редким для гвардейца благонаравием.

Чтобы не смущать его лицемерием моих голых ног, я позволила лейтенанту ехать впереди, вслед за ним отправила капрала, а сама предалась размышлениям.

...Что ей пообещали? Лелья, так трогательно и преданно любившая меня, впустила в дом моих похитителей. Да что там, убийц! Может быть, ее запугали, пригрозили чем-то? Нет, не выходит, защита не пропустила бы их в дом в этом случае. Лелья добровольно должна была привести их с собой и, должно быть, еще и опоить чем-то Дима и Риму, – у кухарки чуткий сон, она проснулась бы, услышав чужие шаги, а шум им был ни к чему...

За этими мыслями я сама не заметила, как мы добрались до моего дома. Хорошо, заранее сообразила набросить на нашу колоритную тройцу несложное заклятие, отводящее глаза, – на улице уже народ появился, не хватало еще, чтобы тарасились.

Калитка была не заперта, дверь дома тоже оказалась открытой. Сделав обоим гвардейцам знак не шуметь, я поднялась по ступенькам крыльца и вошла в прихожую. Из комнатки Рима доносилось мерное сопение. Точно, какое-то сонное зелье, обычно кухарка поднимается ни свет ни заря...

Я бесшумно поднялась по лестнице на второй этаж. За мной шли, отчаянно стараясь не топтать, гвардейцы.

Я услышала негромкое мурлыканье – так Лелья всегда напевала за работой. Правда, на этот раз она не прибиралась в моей комнате – прихорашивалась перед зеркалом, примеряла какие-то побрякушки, поднимала волосы на висках то так, то этак. Из одежды на ней было одно тоненькое нижнее платье, не скрывавшее соблазнительной фигурки. За моей спиной Лауринь невольно перевел дыхание.

Услышав посторонний звук, Лелья стремительно повернулась... и выронила все, что держала в руках, увидев меня.

– Фло! – просияла она улыбкой, но я чувствовала, что ей страшно. – Ты вернулась, Фло!.. А кто эти люди, твои гости? Я приготовлю завтрак, Рима плохо себя чувствует, и...

Я молча продолжала смотреть на нее. Лелья плохо играла. Узрев меня в таком виде (я мельком бросила взгляд в зеркало): мятая и испачканная ночная сорочка, на плечах форменная гвардейская куртка, ноги босые и довольно грязные, спутанные волосы распущены и окутывают меня, будто плащом, – Лелья должна была взвизгнуть, охнуть, запричитать и пуститься в расспросы, а не вести себя как ни в чем не бывало. Но все-таки она была достаточно хорошей актрисой, чтобы обманывать меня все эти годы!

– Что тебе пообещали? – спросила я прямо. – Деньги? Драгоценности? Что?

Лелья наконец-то посмотрела мне в глаза, и я поразились тому, какая злоба полыхала в этих совсем недавно таких ласковых голубых глазах.

– Мне пообещали свободу, Фло, – тихо произнесла она, и не подумав отпираться или оправдываться. – Свободу! Сказали, что с тобой ничего плохого не случится, с тобой только поговорят, а я смогу уйти! Они меня увезут в другой город, в другую страну! – Лелья сглотнула и продолжала: – Я бы ушла из этого мрачного дома, понимаешь? Я бы... я бы... да куда угодно, с кем угодно, только бы выбраться из этого склепа!.. Я жить хочу, Фло, мужчин любить, красивых, щедрых... только тебе этого не понять, ты же каменная!

Ах вот оно что... Ну конечно, как же я сразу не догадалась! Моя маленькая дикарка мечтала вырваться на свободу, а я не поняла ее намеков. Она была вовсе не глупа, она рассчитывала, что, возможно, я расчувствуюсь и дам ей вольную, то-то она поговаривала о предложениях, которые делают ей состоятельные мужчины! Лелья осознала свою привлекательность, поняла, что ее красота способна принести ей большие, очень большие выгоды... Тот, кто купил ее на обещание свободы, хорошо подготовился.

– Вот, значит, как, – сказала я негромко.

«Я ведь тебе доверяла, Лелья... – пронеслось в голове. – Ты была для меня чем-то бо?льшим, чем просто служанка, красивая рабыня. Но ты меня предала, моя рыжая красавица, а предательства я не прощу никогда. Особенно тебе».

Я сделала еще один шаг вперед и коротко, наотмашь, ударила Лелью по щеке. Девчонка отлетела в угол, неуклюже села на пол, платье задралось выше колен, только Лауринь уже не вздыхал. По-моему, он вообще дышать боялся.

– Значит, тебе захотелось любить мужчин? – спросила я. – Красивых, щедрых? Что ж, я исполню твое желание, это несложно. Капрал!

– Да, госпожа Нарен! – Капрал протиснулся мимо лейтенанта и вытянулся передо мной. Кажется, у него даже тени сомнения не возникло в том, что я имею право ему приказывать.

– Возьмите эту девицу, – кивнула я на Лелью. – Хотя я сомневаюсь, что ее можно так называть... Так вот, возьмите ее, отвезите в порт и продайте в какой-нибудь бордель побогаче. Хотите, торгуйтесь, хотите – даром отдайте. Что заплатят – все ваше. Можете хоть нищим раздать, хоть пропить, мне все равно. Выполняйте.

– Как прикажете, госпожа Нарен, – произнес изрядно огорошенный капрал и двинулся было вперед, но тут вмешался, набравшись храбрости, лейтенант:

– Госпожа Нарен, позвольте, я сам...

– Не позволю, – отрезала я. – Стойте, где стоите, лейтенант, лично вас никто ни о чем не просил.

Капрал, сочувственно покосившись на свое лопухое начальство, прошел вперед, легко поднял Лелью на ноги.

– Ну, пошли, красавица! Пошли, пошли...

Лелья вывернулась, метнулась ко мне, хотела схватить за руку – я отшатнулась, как от заразной.

– Фло!.. – выкрикнула она. – Фло, не надо!.. Не делай этого, Фло!

– Уведите ее, капрал, – устало велела я. – Мне надоел этот балаган.

– Госпожа Нарен! – как всегда вовремя, встрял Лауринь. – Может быть, не надо? Вы же видите, она раскаивается, и...

– Лейтенант, не надо указывать мне, как поступать с моей собственностью, – холодно сказала я. – Капрал, почему вы все еще здесь?

– Это жестоко! – выпалил Лауринь, уставившись на меня. Глаза у него, как выяснилось, были темно-серые, в пушистых длинных ресницах. И чудовищно наивные. Кошмар, просто кошмар...

– Почему? – поинтересовалась я, открывая шкафчик и доставая оттуда пузатую бутылку зеленого стекла. Вопли Лельи раздавались уже с улицы, соседи, надо думать, наслаждались бесплатным представлением. – Ей хотелось жить весело, любить красивых, щедрых мужчин... Теперь всего этого у нее будет в избытке: и веселья, и мужчин. Не ручаюсь, правда, что все будут красивыми, но наверняка щедрыми. В этих портовых борделях такие расценки...

– Но она же хотела свободы... – пробормотал Лауринь. – Того же, только чтобы быть свободной, чтобы самой выбирать...

– Хорошо потрудится – выкупится на волю, тогда и будет выбирать, – отрезала я, хлебнув прямо из горлышка. – Свободу, лейтенант, надо еще заслужить. Или купить. За все нужно расплачиваться, знаете ли. Лелья решила заплатить предательством, вот и получила то, что заслужила... Хотите?

Будь лейтенант более искушен в философских спорах, он мог бы возразить мне тем, что Лелья не по своей воле потеряла свободу и угодила в рабство, или как-нибудь иначе в том же роде, а я пустилась бы в длинные рассуждения относительно трактовки природы человеческой свободы в разных философских системах. К счастью, возражать лейтенант не стал, с потерянным видом взял у меня из рук бутылку, тоже приложился к горлышку, поперхнулся и надолго закашлялся.

– Вы что, никогда орты не пили? – сочувственно поинтересовалась я. Лауринь отчаянно замотал головой. Да, первое знакомство с этим напитком – сильное ощущение. Да и потом – впечатление такое, будто жидкий огонь глотаешь, густой такой, и сладкий к тому же.

– Почему вы... – отдышался он наконец. – Почему вы мне не позволили?..

– Да потому, лейтенант, что у вас на лице все написано, – устало вздохнула я. – Вы, я так полагаю, хотели сыграть в благородство. И выпустили бы эту мерзавку, не отходя далеко от моих ворот. А то и, чего доброго, пригласили бы ее пожить у себя – податься-то бедняжке совершенно некуда.

Лейтенант отчаянно покраснел, стало быть, я угадала. Лельины прелести на юношеское воображение Лауриня подействовали, пожалуй, чересчур сильно. Да... пожалуй, так и было бы: Лелья устроилась бы ненадолго рядом с очарованным ею мальчишкой, чтобы немедленно покинуть его, как только подвернется более выгодная партия...

– Вы... – выговорил Лауринь наконец. – Вы хоть одеться ей позвольте... холодно же...

– Потерпит, – ответила я. – На новом месте оденут краше прежнего. И довольно о ней, лейтенант. Я больше не желаю слышать об этой дряни. А вы, кстати, можете быть свободны.

– Как вам будет угодно, госпожа Нарен... – Лейтенант направился к двери, но на полпути остановился, обернулся: – И вам... вам ни чуточки ее не жаль? На самом деле? Я понимаю, того солдата вам не жалко, он вам чужой был, а она...

Я помолчала, прежде чем ответить.

– Нет, лейтенант, не жаль, – сказала я наконец, отхлебнув еще орты и откинув назад мешающие волосы. Вид у меня сейчас, должно быть, как у одной сумасшедшей попрошайки с Нового моста, у той тоже волосы длинные, до пояса, густые, только седые, а не черные, и все лицо закрывают. – Ничуть.

Лауринь с потерянным видом ушел, а я все сидела в кресле и разглядывала потолок. Нет, мне в самом деле не было жаль Лелью. Мне было жаль ту девочку, которую я помнила, но эту, новую Лелью, я могла только презирать... как жалкое насекомое. «Ну что ж, – сказала я себе, – интересно, как сложится ее карьера...» И больше уже не думала о ней.

Мысли мои перешли совсем в иное русло. Для начала, мое похищение, вернее, его цель. Версия у меня есть, и версия преотличнейшая. Осталось только выяснить, кому выгодно сравить два наших государства. Это никуда от меня не

денется. Следующее – лейтенант Лауринь. Мальчишка оказался совсем не так глуп, как могло показаться, это раз. Он воспитан на каких-то совершенно безумных идеалах рыцарской чести, а потому непредсказуем – это два. И что прикажете с ним делать? Нет, я была уверена, что о ночном происшествии он никому не расскажет, и капрал тоже промолчит, я успела понять, что без ведома своего командира он шагу не ступит, классический тип преданного служаки. Но приглядывать за ними стоит, так, на всякий случай. Кстати, любопытно, каким это образом он следил за мной столько времени? А как он объяснял свои отлучки? Или что, воинскую дисциплину у нас отменили?..

Последнее обстоятельство разъяснилось очень скоро. Я навела справки, и оказалось, что вот уже без малого месяц лейтенант Лауринь изволил страдать вывихом ноги, кой вывих засвидетельствован врачом, а потому в казармах не появляется, отлеживается у себя на квартире. Однако в изобретательности парню не откажешь! Интересно, сколько он заплатил врачу за лжесвидетельство? Может быть, стоит организовать ему настоящий вывих, чтобы поумерил прыть?

От членовредительства несчастного лейтенанта спасло только то, что у меня появилось новое дело, и я вынужденно оставила мысли о своем похищении и о настырном юнце. Впрочем, об осторожности я теперь не забывала, предпочитая лишний раз оглядеться по сторонам.

Глава 3

«Яблони»

Осень плавно перешла в зиму, на редкость снежную и удивительно спокойную. Заняться мне было решительно нечем, складывалось впечатление, что мало-мальски серьезные преступники предпочитают коротать время у теплых очагов и каминов, под пуховыми перинами... у кого они есть, конечно. Мелкими бытовыми преступлениями я не занимаюсь, на то есть сыскное отделение (впрочем, если платят щедро, а мне больше нечего делать, я могу и забыть о принципах). Есть и обычные частные сыщики, к которым вполне могут обратиться люди, по каким-то причинам не желающие идти к королевским сыскарям, но кому не по карману оплатить услуги судебного мага. Если на то

пошло, моя клиентура в основном люди богатые и очень богатые, которые могут заплатить как за то, чтобы узнать правду, так и за то, чтобы эта правда никогда не достигла посторонних ушей. Частный сыщик, возможно, и расследует запутанное дело об убийстве или похищении, но, без сомнения, разнесет новости об этом происшествии, сопутствующих обстоятельствах и причастных к делу по всему городу либо продаст их любому заинтересованному лицу. Даже если заплатить за молчание, велика вероятность, что это заинтересованное лицо предложит больше. Есть, конечно, сыщики, придерживающиеся определенного кодекса чести и не разглашающие сведений о своих клиентах, но таких – меньшинство. Поэтому у тех людей, кому есть что терять, доверия к подобным, с позволения сказать, профессионалам никакого. Они предпочитают заплатить в несколько раз больше, но быть уверенными в том, что их имя не будут трепать на каждом углу, а значит, им прямая дорога к судебным магам. А таких в нашей славной столице двое: я и еще один пожилой маг. Вернее, трое, если считать моего отошедшего от дел деда. Так вот, второй действующий маг почти не является моим конкурентом. Он по большей части специализируется на хитроумных кражах и семейных неурядицах, а я, уж так сложилось, занимаюсь в основном убийствами, а также делами, привлечшими внимание Его величества Арнелия, хотя могу взяться и за любое другое. К тому же мой коллега в силу довольно преклонного возраста предпочитает не слишком удаляться от городских стен, в какую-нибудь всеми богами забытую глушь его не заманить даже баснословным гонораром. Я же путешествовать люблю куда сильнее, чем сидеть на одном месте, а потому дома провожу значительно меньше времени, нежели под открытым небом. В любом случае работы обычно хватает нам обоим, и с избытком.

Итак, этой зимой, казалось, жители столицы разом обрели редкостное законопослушание: не было слышно ни о дерзких ограблениях, ни о разбое, не было даже слухов, что какая-то знатная дама наставила мужу рога, не говоря уж о том, чтобы прикончить супруга на пару с любовником. Что происходило в других городах, сказать затрудняюсь, но, судя по тому, что ни одного гонца на взмыленной лошади в столице за всю зиму так и не появилось, то и там не происходило ничего настолько из ряда вон выходящего, что могло бы потребовать вмешательства судебного мага.

С одной стороны, приятно осознавать, что в стране все спокойно, но с другой стороны... мне было просто скучно. От нечего делать я взялась приводить в порядок свои записи о наиболее интересных делах, которые мне доводилось расследовать, но дело сильно не продвинулось. По моему глубокому убеждению, начинать писать мемуары мне было рановато, а просто так в очередной раз

переписывать свои куцые заметки не хотелось. Все, что было действительно важно, я помнила и так, а несущественные мелочи и записывать не стоило.

Некоторое время я уделила знакомству с новинками магической науки, для чего несколько дней провела в богатой загородной усадьбе, принадлежащей Коллегии магов. Новинки меня не порадовали: никакого практического применения заклинаниям, помогающим ускорить рост серого лишайника и вылечить чесотку у крупного рогатого скота, я найти не могла. Конечно, кому-то важно и такое: серый лишайник в переработанном виде используется в медицине, а стоит весьма дорого, так что вовремя получивший патент на заклинание маг-медик, несомненно, быстро обогатится; ну а за второе заклинание щедро заплатят скотоводы. Увы, пристегнуть эти две, вне всякого сомнения, замечательные находки к расследованию преступлений было невозможно. Подавив легкое разочарование, я вернулась домой.

Один из темных зимних вечеров я коротала, сидя с книгой у камина – от нечего делать я взялась за чтение, очень удачно наткнувшись в одной книжной лавке на сочинения какого-то ловкого пройдохи. Шустрый писака рассказывал о похождениях некоего аристократа, от безделья занимавшегося расследованием преступлений в компании со своим ушлым слугой. Врал автор, конечно, напропалую, щедро населяя страницы романов роковыми красотками, невероятными чудовищами, наводняя повествование леденящими душу тайнами и прочими непременно атрибутами подобного рода сочинений, но делал это настолько непринужденно и, не побоюсь этого слова, талантливо, что оторваться от книг было решительно невозможно. Вдобавок быстро набирающий популярность автор обладал на редкость живым и образным языком и очень узнаваемым, немного ироничным стилем. «Это все враки, я и сам не верю в то, что сочиняю, – угадывалось за каждым словом, – но только попробуйте сказать, что эти враки вам не по душе!»

Так вот, я как раз приканчивала второй роман, дело катилось к развязке, таинственный заговорщик в маске вот-вот должен был продемонстрировать истинное свое лицо, а очаровательная дама – перестать колебаться и наконец упасть в объятия спасителя, то бишь главного героя, когда Рима пришла сказать, что меня дожидается дед. Я с сожалением отложила книгу – давно мне не попадалось ничего столь занимательного! – и спустилась вниз, в свой кабинет, приказав Рима подать нам чего-нибудь согревающего.

Дед, как вскоре выяснилось, тоже банально заскучал. В отличие от меня, он собирается написать мемуары и уже не единожды приступал к работе, но всякий раз ему что-то мешало. Сперва обширная практика, затем, после гибели моих родителей, необходимость воспитывать малолетнюю внучку (меня то бишь) и обучать ее всевозможным премудростям, которые необходимо знать хорошему судебному магу, а теперь, я полагаю, исключительно отсутствие литературного дарования. Увы, опусы моего деда более всего напоминали отчеты о вскрытии мертвого тела: тот же сухой наукообразный язык, внимание к мельчайшим деталям и полное отсутствие какой бы то ни было интриги. Читать это смогли бы разве что подлинные энтузиасты сыскного дела, и дед не мог этого не понимать, потому регулярно и бросал свои писательские экзерсисы, впадая в мизантропическое настроение.

– А где твоя рыжая? – спросил он, когда Рима подала на стол и ушла, шаркая ногами по полу и тяжело вздыхая. – Или ты решила наконец уважить мою просьбу и велела ей не попадаться мне на глаза?

– Ее здесь больше нет, – сухо ответила я.

– Ты все-таки послушалась доброго совета и продала ее? – расплылся в улыбке дед. – И кого ты осчастливила, если не секрет?

– Понятия не имею, – хмыкнула я. – Ее продали по моей просьбе, кому – не знаю. Кому-то сильно повезло. Или не повезло, это как посмотреть...

Дед выжидательно глядел на меня, склонив голову набок – ни дать ни взять старый ворон. Я кое-что припомнила и решила спросить:

– Скажи, почему ты так ее невлюбил? С самого начала, не так ли?

Дед негромко фыркнул, с шумом отхлебнул горячего травяного отвара и, довольный, откинулся в кресле, сложив руки на животе.

– Неужели тебе наконец стало интересно, – иронически спросил он, – отчего это выживший из ума старик так дурно отнесся к очаровательной девочке с достойной сожаления судьбой?

– Ты скажешь или нет? – вскинула я брови. Дед может быть совершенно невыносимым, если ему того захочется. Я, впрочем, тоже, это у нас семейное.

– Скажу, скажу... – Дед снова посмотрел на меня одним глазом. Он уверяет, что вторым просто плохо видит, но, скорее всего, прикидывается. Будь это действительно так, дед давно обратился бы к хорошему магу-медику. – Я пытался сказать тебе уже давно, только ты слушать не желала. Эта твоя рыжая шлюха... Не кривись, Флошша, на меня твои гримасы не действуют! Так вот, эта рыжая... – Дед вздохнул. – Можешь считать меня ненормальным стариком, Флошша, но более лживой и двуличной твари я в жизни своей не встречал, а прожил я достаточно... Ты чересчур беспечна, Флошша, и ты ни разу не дала себе труда взглянуть хотя бы в зеркало, чтобы узнать, как на тебя смотрит эта рыжая, когда думает, что ты ее не видишь. Я неоднократно пытался обратить на это твое внимание, но разве ты слушаешь меня? – Дед фыркнул. – Нет, ты ведь уже достаточно взрослая, чтобы жить своим умом!

– Признаю, в этом случае я действительно была непозволительно беспечна, – медленно проговорила я, чем, надо думать, пролила бальзам на сердце деда.

– Что все-таки произошло? – так и подался он вперед.

Я на секунду задумалась. Рассказать все от и до? А почему бы и нет? Дед намного более сведущ во всевозможных великосветских тайнах, чем я. Каюсь, я не всегда уделяю достаточное внимание происходящему при дворе, мне это интересно только в той мере, что необходима для проведения очередного расследования. Очень может быть, что я опрометчиво пренебрегаю всеми этими хитросплетениями взаимоотношений... Но, увы, у меня нет ни склонности, ни желания впутываться в эти бесконечные интриги! Но вот дед – дед всегда с преогромным удовольствием варился в придворном котле и, хотя последних новостей мог и не знать, опытом все равно обладал колоссальным. Кому и рассказывать, если не ему...

Таким образом, я все же поведала деду о своих злоключениях, почти ничего не утаив. Мне не слишком хотелось афишировать участие лейтенанта Лауриня в этой истории, сама не знаю, почему. Но замолчать этого не удалось, иначе бы дед непременно заметил зияющую в моей истории дыру.

– Во-от оно что... – протянул он, дослушав до конца. – Однако эта рыжая неплохо начала! Ни много ни мало отправить хозяйку на верную смерть! Далеко пойдет девочка... А тебе везет со служанками, Флошша...

– Не доканывай, – мрачно сказала я. – Лучше скажи, что ты обо всем этом думаешь.

– Думаю? – Дед уставился на меня своим знаменитым пронзительным взглядом, будто вспомнил молодость и лично проводимые допросы. – Я скажу тебе, что думаю по этому поводу, когда ты расскажешь мне правду о принцессе Майрин. Ведь что-то эти олухи хотели от тебя узнать, не так ли?..

Вот уж верно, вымолвив первое слово, придется сказать и второе, а там и спеть всю балладу от начала до конца, со всеми припевами и лирическими отступлениями. Вздохнув, я выложила все, что знала, все, что рассказал мне дракон по имени Гарреш, а еще те выводы, до которых я дошла своим умом. Наградой мне было замечательное зрелище: медленно округляющиеся глаза деда. К концу моего монолога он стал напоминать уже не ворона, а седого филина.

– И ты молчала?! – вскричал он, как только обрел дар речи. – Право слово, Флошша, ты заставляешь меня пожалеть о том, что я слишком баловал тебя в детстве!

– Я считала, что чем меньше людей узнает об этом происшествии, тем лучше, – дипломатично заметила я. – Ты сам приучил меня держать язык за зубами, не забывай.

– Ты полагаешь, я бы понес эту новость касаясь драконов и их потомства по всему королевству? – взъерошился дед. – Хотя, конечно... потрясающе, просто потрясающе, и до чего просто! И теория этого олуха Жорьема не выдерживает никакой критики, особенно если учесть то, как обстоят дела в действительности...

– Не увлекайся, – предостерегла я. – Распространяться об этом не стоит, сам понимаешь, так что пусть пока этот твой Жорьем наслаждается славой.

- Ты права, - проворчал дед. - Пусть его... - Он встряхнулся и уставился на меня, глаза его смотрели цепко и холодно, как много лет назад. - Должен признать, Флошша, что на этот раз наследство твоей прабабки пришлось как нельзя кстати...

- При чем тут это? - поморщилась я.

- Можно подумать, ты не знаешь, - фыркнул дед.

Конечно, я знала. Мой прадед был первым в нашем роду судебным магом, а прабабка, его жена, - очень сильной потомственной ведьмой. Маги обычно с пренебрежением относятся к ведьмам, но то ли мой предок обладал весьма вольными для своего времени и статуса взглядами, то ли действительно влюбился в прабабку (по дошедшим до нас сведениям, изумительной красоты женщину), но он на ведьме женился. И жили они, как ни странно, душа в душу, хотя скандалы в семье (тому был свидетелем уже мой дед) закатывались порой феерические. Так вот, по наследству в нашей семье передавалась магическая сила, а ведьмовство, судя по всему, оказалось латентным признаком; во всяком случае, полноценных ведьм в семье больше не случалось. Вот только каждый из последующих поколений нет-нет да и обнаруживал у себя какие-то умения, не присущие обычному магу. Дед, к примеру, замечательно гадал, предсказания его обычно сбывались, хоть понять истинный смысл этих пророчеств сразу он зачастую не мог. Еще он почти всегда, не задумываясь, определял, правду говорит человек или нет, что особенно пригодились ему на допросах. Отец, судя по рассказам, тоже обладал умением замечать ложь в чужих словах, а к тому же был способен, глядя человеку в глаза и поднапрягшись, помочь тому вспомнить любой эпизод из его жизни во всех деталях. Тоже качество, небесполезное для судебного мага. Мне, к сожалению, ни одного из этих полезных свойств не досталось, но ведьмины корни все же дали о себе знать. Прежде всего это проявляется в моей интуиции. Я привыкла ей доверять, и она еще никогда меня не подводила. Бывает, рационально никак не получается объяснить то, что я «нюхом чую», объяснения появляются позже, но идти против того, что подсказывает интуиция, я не рискую. А кроме того, имеется и еще кое-что. Вероятно, так явно это проявилось потому, что я женщина, ведьмами все же чаще бывают женщины, а полноценные ведьмаки? среди жителей материка - редкость необыкновенная. Как ни ворчал в свое время дед, я научилась пользоваться тем, что досталось мне по капризу природы. Пока это ни разу не пригодилось мне по-настоящему, но... мало ли... Запас карман не тянет.

– Я говорю о твоей интуиции, – подтвердил мои мысли дед. – Жаль, конечно, потерять тело того дракона... да... Возможность изучить тело дракона против вероятности повторения «алой зимы»... ГМ...

Я вздохнула. «Алая зима» случилась в том году, когда в одном небольшом княжестве началось истребление всех, кто хоть как-то отличался от обычных людей. Всех: не опасных по большей части деревенских ведьм, да что там ведьм – любого, кто подпадал под подозрение в колдовстве, а также далеко не безобидных созданий, которые во множестве обитали на территории княжества. Дальние родственники драконов – дирекки, неразумные крылатые ящерицы размером чуть побольше овцы, геррены – крупные белые олени, которых издали можно было принять за мифических единорогов, многие другие, – все они были объявлены вне закона... Пик активности истребителей всяческого волшебства пришелся на зимние месяцы, отсюда и «алая зима» – говорят, снег был красным от пролитой крови. И только когда дело дошло до убийства судебного мага, присланного разобраться в этом безобразии, соизволила вмешаться Коллегия магов. Побойще остановили, но геррены, например, больше не встречаются в тех краях, а дирекк уже много лет вообще никто не видел... И кто знает, чем кончилось бы дело, развяжи люди войну не с неразумными животными, а с драконами! Тех, конечно, во много раз меньше, но, с другой стороны, средних размеров дракон в одиночку вполне способен сровнять с землей средних же размеров город. А хороший боевой маг может справиться с драконом... Боюсь, в этой войне не было бы победителей.

– Если честно, меня больше всего интересует тот, кто стоит за Никкеем, – произнесла я задумчиво.

– Ты так уверена, что за ним кто-то стоит? – прищурился дед.

– Более чем, – кивнула я. – Я достаточно хорошо знаю нашего августейшего соседа. Сгоряча он может надеть глупостей, а потом остывает и долго раскаивается. Арнелий об этом его свойстве прекрасно осведомлен и умело на нем играет... Впрочем, что я тебе рассказываю! Ты знаешь это лучше меня...

– Знаю, – хмыкнул дед. – Но, может быть, мне любопытно послушать твои рассуждения. Так, стало быть, ты считаешь, Никкея кто-то использует для прикрытия?

– Не могу пренебречь такой возможностью, – кивнула я. – Эти двое молодых олухов... Нет, я не верю в то, что они сами спланировали мое похищение. Они могли думать об этом, даже говорить, но повернуть такое дельце им бы наглости не хватило. Кто-то их... гм... поощрил. Но кто, я не знаю и даже предположить не могу.

– М-да... – Дед нахмурился. – В целом твои доводы выглядят убедительно. Кому-то очень нужно было тебя убрать и тем самым спровоцировать Арнелия... Хотя... – Он цепко уставился на меня. – Флошша, а ты не допускаешь мысли, что убрать тебя хотели как раз потому, что ты узнала тайну принцессы Марин? Для того, чтобы ты никому не успела ее рассказать?

– Я думала об этом, – призналась я. – Но мне кажется, это менее вероятно, слишком сложная схема. Проще было бы прикончить меня прямо в доме, а не тащить на окраину города с риском попасться. Нет, я останусь при своем мнении: кто-то ловко воспользовался этими щенками, чтобы разделаться со мной. Сдается мне, тот тип, что сопровождал гвардейцев, мог иметь самое прямое отношение к этому «некто». Жаль только, я не успела их расспросить.

– Да уж, этот лейтенантишка проявил изрядную прыть! – фыркнул дед. – Но, как водится, не к месту...

– Так что мы будем с этим делать? – поспешила я сменить тему. – Я не уверена, что об этом происшествии стоит докладывать Арнелию.

– Хм... – Дед сцепил пальцы. – Ты так полагаешь?

– Да, – ответила я. – Арнелий и без того относится к Никкею с достаточной настороженностью. Да и потом, как ты себе представляешь этот мой доклад? «Ваше величество, меня похитили гвардейцы Его величества Никкея, чтобы выпытать подробности об обстоятельствах гибели принцессы Майрин, которая, вот незадача, оказалась беременна от своего похитителя-дракона, о чем я вам и словом не обмолвилась, хотя и знала правду...» Так, что ли?

– М-да, звучит в самом деле неубедительно, – вздохнул дед. – Пожалуй, ты права. Пока стоит умолчать об этом небольшом казусе. Но впредь, Флошша, все-таки будь внимательнее и не таскай к себе в дом всякую шваль!

– Можешь не сомневаться, я буду сама осторожность, – мрачно ответила я, и на этом мы распрощались.

Беседа с дедом ничего не прояснила, хорошо, не запутала еще больше. Ах, проклятый лейтенант, чтоб ему провалиться! Что ему стоило задержаться на пару минут или метать ножи чуть похуже? Если бы хоть один из моих похитителей остался жив, сейчас я располагала бы куда большей информацией. Но что уж жалеть о том, чего не вернуть... Посмотрим, что будет дальше!

Решив так, я все-таки смогла отвлечься от истории с похищением и вернуться к роману...

Книга занимала меня до вечера, а назавтра в бесконечном безделье наконец-то наступил просвет: морозным солнечным утром ко мне пожаловал клиент.

Был это приятный полноватый мужчина лет пятидесяти с виду, судя по одежде – мелкопоместный дворянин, причем далеко не из бедных.

– Флоссия Нарен к вашим услугам, – произнесла я, устраиваясь в своем любимом кресле. Клиент ерзал на стуле и натянуто улыбался. – С кем имею честь?

– Нейр Верен Шлосс, – неожиданно красивым низким голосом отрекомендовался мужчина. – Очень... очень рад знакомству, госпожа Нарен!..

Уверять его во взаимной радости от знакомства я не стала, сразу перейдя к делу:

– Так чему обязана визитом, нейр Шлосс?

– О!.. – Шлосс вдруг очень забавно смутился и уставился на меня с несколько растерянным видом, словно сам позабыл, зачем пришел. Я терпеливо ждала. – Вы знаете, когда я пытаюсь рассказать, в чем дело, это начинает казаться такой ерундой... Право слово, неловко!

– И все же вы попробуйте, – предложила я. Шлосс был взволнован, это я видела невооруженным взглядом. Что могло стрястись у такого положительного на вид человека? Изменяет жена? Пропадают семейные ценности?

– Хорошо... да, я постараюсь не отнять слишком много вашего времени... – Шлосс нервно стиснул на столе пухлые пальчики. – Видите ли, госпожа Нарен, я... Я писатель. Смешно говорить, но все же... Я, честно говоря, отношусь к этому как к забаве, а людям почему-то нравится... Словом, у меня есть постоянный герой. – Я изобразила на лице вежливое внимание. Таких людей, как Шлосс, нельзя торопить и до поры до времени даже задавать наводящие вопросы, иначе они окончательно теряются и забывают, что хотели сказать. Сейчас он успокоится и сам все расскажет... – Так вот, дело в том, что со мной с недавних пор начали происходить странные вещи...

– В каком роде странные? – приподняла я брови.

– Ну... это вещи, которые могли бы происходить с моим героем, но никак не со мной, – ответил Шлосс. – Недавно... в моей жизни появилась женщина... Это вылитая героиня моих книг! Видите ли, есть там одна дама, Элейна Дор, авантюристка, она постоянно строит козни главному герою...

Имя показалось мне знакомым. Где же я его слышала?

– Пойдите-ка! – осенило меня. – Это вы написали «Оловянную корону»?

– Вы читали? – пришел в неописуемый восторг Шлосс. – Ни за что бы не подумал, что вы... Вам понравилось?

– Весьма занимательно, – улыбнулась я. – Вы, часом, не автобиографически ли пишете?

– Нет, что вы!.. – Шлосс слегка порозовел. – Я ведь всего лишь скромный помещик... Я все это придумываю.

– У вас неплохо получается, – сказала я.

– Спасибо... – Шлосс смущенно улыбнулся. Кажется, мне удалось достичь желаемого эффекта: мой гость расслабился, перестал нервничать, и речь его полилась свободно. Я была уверена, что Шлосс будет говорить долго, отвлекаясь на посторонние детали, но это и к лучшему – не люблю клиентов, из которых подробности надо вытягивать клещами. А малосущественные на первый взгляд

вещи в итоге могут иметь большое значение, и отмахиваться даже от таких мелочей не стоит. – Вы знаете, это все случайно вышло. Летом у меня в имени много дел, а вот зимой – скука смертная. Жена умерла, дети выросли и разъехались кто куда, сижу один, как жаба в болоте... Пристрастился вот к авантурным романам, должно быть, всё перечитал, что выходило в свет. А однажды вдруг пришла в голову мысль, я и стал придумывать продолжение... – Он перевел дыхание. – И как-то так складно получилось, я сам удивился. А потом подумал: все эти господа сочинители, они ведь тоже не специально учились книги писать! Я узнавал: один был каким-то чиновником, другой и вовсе лавочником... Чем же я хуже? Взял, записал свою историю и отвез в город, издателя нашел, а ему возьми да понравься... – Шлосс смущенно улыбнулся. Удивительно, но ни капли самодовольства в нем не было. По-моему, он и в самом деле был удивлен неожиданно свалившейся на него популярностью. – Только пришлось взять псевдоним. Мое имя не слишком-то звучное, да и перед знакомыми как-то неловко, несолидно в моем возрасте такие вещи сочинять...

– Понятно, – усмехнулась я. – Так что же с той дамой?

– Ах да! – спохватился Шлосс. – Она приехала как-то поздно вечером, сказала, что заплутала на наших проселках, спросила дорогу. Я предложил ей ночлег – не мог же я выставить даму за порог на ночь глядя! – а утром она попросила приютить ее на некоторое время. Сослалась на некие таинственные обстоятельства, вынудившие ее покинуть столицу и скрываться в глуши...

– И вы не устояли, – констатировала я.

– Поймите меня правильно, – медленно произнес Шлосс. – Я всего лишь помещик. Самым захватывающим событием в моей жизни было, пожалуй, рождение сына, да еще, пожалуй, ночь, когда молния ударила к нам во двор и расколола дерево. А эта дама... Она словно сошла со страниц моего романа. Правда, ее зовут не Элейна, а Илана, Илана Тен, но в остальном... Она ослепительно красива, она явно благородного происхождения, и у нее есть какая-то тайна...

– И что же насторожило вас в этой прекрасной даме? – поинтересовалась я.

– Как вам сказать... – Шлосс выглядел несчастным. – Одна лишь Илана – это еще куда ни шло, благородные дамы, случается, попадают в затруднительные ситуации, и то, что я оказался на ее пути, может быть всего лишь случайностью.

В конце концов, то, что я стал писателем, – тоже случайность, не так ли?

Я неопределенно качнула головой. Мне нравился Шлосс: когда он переставал нервничать и запинаться на каждом слове, он казался весьма рассудительным и неглупым человеком, не склонным к досужим выдумкам, как это ни странно звучит по отношению к писателю.

– Появление Иланы я был готов принять, – продолжал Шлосс. – Но дальше... Спустя некоторое время в доме начало твориться точь-в-точь то же самое, что я описал в «Поместье-призраке»... – Он выжидательно взглянул на меня.

– Я еще не читала, – мотнула я головой. – Расскажите вкратце.

– О... – Шлосс помолчал, собираясь с мыслями. – Там речь идет о молодом человеке, которому в наследство досталось старинное поместье. Он вселяется в этот дом, но жить в нем оказывается невозможно: со стен падают картины, сами собой открываются и закрываются окна и двери; словом, некий злобный призрак невзлюбил нового владельца дома и старается его выжить...

– И как же юноша выпутался из этой истории? – поинтересовалась я. – Несомненно, с помощью вашего любимого героя?

– Конечно, – улыбнулся Шлосс. – Тот случился проездом в тех местах и заинтересовался рассказом бедолаги.

– Призрака, конечно, усмирили?

– Нет, скорее, отпустили на волю... – Шлосс слегка смутился. – Я не очень-то разбираюсь в магии, поэтому вам может показаться смешным то, что я придумал... Словом, давным-давно поместье принадлежало женщине из очень знатной, но бедной семьи. Несмотря на жестокую нужду, она отказалась продать поместье богатому соседу, а когда тот обманом все-таки завладел ее домом, поклялась, что покоя новым владельцам не будет никогда, даже после ее смерти. Так и случилось: после смерти она стала призраком и несколько сотен лет не давала житья новым хозяевам поместья, так что оно совсем пришло в упадок. – Шлосс вздохнул. – А покинуть поместье она тоже не могла...

- И как же ваш герой справился с этой ситуацией? - не без интереса спросила я.

- Ну, он нашел лазейку, - хмыкнул Шлосс. - Предложил хозяину поместья вернуть его законной владелице, то бишь даме-призраку. Тот так и поступил, благо жить в старом доме все равно было невозможно.

- Помогло?

- Да. Дама получила назад свое имущество и исчезла. И поместье тоже... - Шлосс неожиданно озорно улыбнулся. - Оно, как оказалось, тоже много лет уже было призраком, а на самом деле от него давно остались одни развалины.

- Лихо, - усмехнулась я. - И, кстати, я не буду смеяться, даже если вы не знакомы с магией, у вас получилось достаточно правдоподобно. Призраки высокого уровня умеют вытворять и не такое... - Я решила все же вернуться к теме нашей беседы: - Так, значит, в вашем доме тоже начались странные происшествия?

- Да, госпожа Нарен, - кивнул Шлосс и снова весело улыбнулся. - Но, могу вас заверить, никаких обманутых дам, убийств, страшных клятв и прочих сверхъестественных вещей, касающихся моего поместья, в истории нашей семьи нет. - Он смущенно кашлянул. - Я, грешным делом, изучил все архивы... Земля досталась моему предку совершенно законным образом, он выкупил ее у короны за существенную по тем временам сумму, осушил болота, заложил сад, выстроил дом... Вот и все. Привидению завестись решительно не с чего!

- Действительно, странно, - вздохнула я. - Все эти происшествия начались с появлением прекрасной дамы?

- Некоторое время спустя, - кивнул Шлосс.

- Вы считаете, что она может быть причастна к этим странностям?

- Не знаю... - медленно произнес Шлосс. - Может быть, это совпадение, а может быть, и нет, мне трудно судить...

- Вы всего лишь скромный помещик, - подхватила я.

– Да, – ничуть не обиделся Шлосс. – Мне нравится придумывать разные таинственные истории, но я предпочел бы, чтобы они так и оставались на бумаге... И уж точно я не возьмусь сам разбираться в происходящем, как мой герой. То, что хорошо в романе, не годится для жизни, и расследованием должен заниматься профессионал.

– Мне нравится ваша точка зрения, – усмехнулась я. – Чаще всего люди полагают, что сами превосходно во всем разберутся, а в результате все запутывается еще больше. Стало быть, вы хотите, чтобы я выяснила, в чем первопричина происходящего?

– Да... Госпожа Нарен, мне крайне неловко беспокоить вас накануне праздников, – смущенно произнес Шлосс, – но... Я, признаться, боюсь. Еще в одном моем романе действие происходит как раз в канун зимних празднеств. И речь там идет об убийстве! Не сочтите меня паникером, но...

– Я понимаю ваши опасения, – кивнула я. – Все, что вы описали, выглядит и в самом деле странно, но я не могу судить о том, чего не видела своими глазами. Мне придется поехать в ваше имение.

– Я не смел даже надеяться, что вы согласитесь! – расцвел Шлосс.

– Вам известны расценки на мои услуги? – любезно осведомилась я, чтобы вернуть его на грешную землю.

– Конечно, госпожа Нарен, – чуточку обиженно ответил Шлосс. – Я бы не обратился к вам, если бы не был в состоянии оплатить вашу работу!

– Хорошо. – Я встала, давая понять, что предварительный разговор окончен. – Так. Чтобы успеть к праздникам, выезжать надо сегодня же. Если вы обождете немного, я соберу самое необходимое, и мы сможем отправляться.

Шлосс только хлопал глазами, он явно не ожидал от меня такой прыти.

– Я пошлю за своими вещами на постоянный двор, – только и сказал он. – Я тоже предпочитаю путешествовать налегке...

...Я в самом деле была рада тому, что подвернулось хоть какое-то дело: крайне не люблю оставаться в столице во время проведения шумных гуляний, тем более что я непременно буду приглашена во дворец на праздничный бал, а к балам у меня особенная неприязнь. Поэтому, когда Шлосс в очередной раз принялся извиняться за то, что срывает меня с места и тащит в глухомань в то время, как все люди веселятся, я довольно резко попросила его больше не поднимать эту тему.

Зимние праздники в нашей стране – разговор особый. Упомянула ли я, что правящая династия отличается редкостной веротерпимостью? Именно поэтому в столице то и дело отмечается какое-либо событие. Почти в каждой религии есть праздник, справляющийся зимой, только вот беда – в разное время. В конце концов одному из предков Арнелия надоело, что неделю, скажем, не работают и бурно празднуют приверженцы Матери Ноанн, три дня – Белые сестры и так далее и тому подобное. Ну а, соответственно, вынужденно не работают и те, кому Белые сестры поставляют окрашенные нити для вышивания и ткани, а приверженцы Матери Ноанн – почти сплошь скотоводы – свежее мясо. Итак, Его величество Анер отдал приказ. В результате проведенной разъяснительной работы список государственных праздников обогатился празднеством в честь перелома зимы, единым для всех религий и длящимся целую неделю. Если недовольные и были, их достаточно быстро убедили в целесообразности проведенной реформы. Ну а большей части населения столицы, обывателям, в головах которых множество религий смешались в пеструю кашу, было решительно все равно, когда и что праздновать. Тем более что на праздник всегда устраивались костюмированные представления, шествия, в которых представители разных конфессий норовили перещегоолять друг друга в пышности зрелища...

Конечно, на праздничной неделе будет совершено немало преступлений, но большинство из них – банальные кражи или убийства по пьяному делу – для меня интереса не представляют. Ну а последствия более изощренных преступлений, специально запланированных на праздничные дни, в угаре которых никто не замечает ничего подозрительного, все равно вскроются только после окончания гуляний. Так что в городе мне делать было решительно нечего...

...Я с наслаждением вдохнула морозный воздух. Моя кобыла фыркнула и осторожно попробовала копытом утоптаный снег.

Шлосс, как ни удивительно для человека его возраста и комплекции, вполне сносно держался в седле. Он ловко управлялся с крупным соловым жеребцом, верхом на котором смотрелся довольно забавно.

Я улыбнулась. Все складывалось чудесно: я проведу праздники вне столицы, никто не узнает, куда я отправилась, а Его величество не приставит ко мне никаких сопровождающих, никаких солдат...

«Тьфу ты! – досадливо подумала я, увидев впереди одинокую фигуру. На улице было пусто, народ отсыпался, готовясь гулять всю ночь, поэтому всадника было трудно не заметить. – Накаркала...»

Узрев меня, лейтенант Лауринь, а это был, конечно, он, вздрогнул, выпрямился в седле и довольно лихо козырнул мне. Я неопределенно мотнула головой, давая понять, что приветствие заметила, но вступать в беседу не намерена, и мы со Шлоссом проехали мимо.

И что меня дернуло обернуться? Лауринь торчал на перекрестке, словно конный памятник самому себе, его гнедой понуро опустил голову, и в целом эта композиция выглядела довольно тоскливо.

– Обождите пару минут, – сказала я Шлоссу, поворачивая лошадь. – Мне нужно перебраться парой слов со знакомым.

Заметив мой маневр, Лауринь встрепенулся.

– Госпожа Нарен... – зачем-то начал он и осекся.

– Вы, должно быть, в увольнении? – любезно осведомилась я. – Ищете подарки к празднику?

– Нет... – Лауринь слегка сник. – Я в патруле на этой неделе. Вот, жду своих... За праздничные дни двойное жалованье платят... А подарки мне здесь дарить некому, госпожа Нарен, разве что Ивасу... – Он поднял голову. – А вы, госпожа Нарен, наверно, в гости?

– Отнюдь, – хмыкнула я. – По делу.

В глазах Лауриня ясно читалась безумная надежда на то, что я сию минуту прикажу: «Вы будете сопровождать меня, лейтенант, следуйте за мной», и то сказать – невелика радость патрулировать город в праздники, лучше уж посмотреть на мою работу... Но я, конечно, не собиралась совершать столь опрометчивых поступков. Вместо этого я сказала:

– Лейтенант, если вы случайно окажетесь неподалеку от Садовой улицы, не сочтите за труд, загляните в дом под номером шестнадцать и передайте господину Нарен, что я отлучилась на несколько дней в имение Шлосс по делу. Буду вам крайне признательна.

– Конечно, госпожа Нарен, – чуть оживился лейтенант. – Непременно передам!

– Чу?дно. Всего хорошего, лейтенант. – Я повернула лошадь. Все-таки Лауринь подвернулся кстати. Дед точно никому не выдаст мое местонахождение, а исчезать бесследно, как бы мне того ни хотелось, не годится. Мало ли...

– И вам добрых праздников, – сказал мне в спину лейтенант, и я почти сразу выкинула его из головы...

...Имение Шлосса, носившее скромное название «Яблони», находилось не слишком далеко от города, дорога оказалась превосходной, мы ехали в хорошем темпе и, заночевав на постоялом дворе, к следующему вечеру должны были добраться до места. Пока же следовало обговорить кое-какие детали.

– Расскажите поподробнее о вашем имении, – попросила я Шлосса. – И о вашей семье. Вы упоминали, кажется, что ваши дети живут отдельно?

– Да... – кивнул Шлосс. – Дочь вышла замуж, ее муж служит в городе, вот она и уехала с ним. Очень достойный человек, жаль только, характер тяжелый. Но ее он любит... Она приезжает летом погостить, привозит внуков. – Шлосс радостно улыбнулся. – Им нравится в имении, на свободе...

– А другие дети?

– Другой, – поправил Шлосс. – У меня только двое. Сын... – Он вздохнул. – Он шалопай. В тринадцать лет сбежал юнгой на корабле, мы год не знали, жив ли

он вообще... Потом объявился.

- Нагулялся? - поинтересовалась я. Обычно запала юных романтиков хватает ненадолго, достаточно пару месяцев подрaitь палубу и котлы на камбузе.

- Что вы! - махнул рукой Шлосс. - Если бы... Так и служит на корабле. Заглядывает на пару дней в году и смеется: дескать, когда дослужится до адмирала, тогда уж остепенится и осядет в «Яблонях»...

- До этого, надо думать, еще далеко, - улыбнулась я.

- Как сказать, - с затаенной гордостью ответил Шлосс. - Ему сейчас нет и двадцати пяти, а он уже старший помощник капитана.

- Надо же... - хмыкнула я. - Значит, прямых наследников у вас всего двое. Другая родня имеется?

- Да... - Шлосс задумался. - Очень дальняя, со стороны жены, они давно уехали куда-то на юг. Я уж и не упомяну, когда видел их в последний раз.

- Любопытно. - Я призадумалась. - Хорошо. Нейр Шлосс, а чем ценно ваше имение?

- Ценно? - Он недоуменно посмотрел на меня. - Даже не знаю... Имение как имение, не слишком большое, доход приносит, но не сказать, чтобы огромный. Дом старый, на один ежегодный ремонт улетают такие суммы... Разве что фруктовый сад... Знаете, госпожа Нарен, его еще мой прадед посадил. - Шлосс мечтательно улыбнулся. - Когда яблони по весне цветут, это такая красота!

- Понятно... - вздохнула я. Если честно, пока ничего не было понятно.

Первым, что пришло мне в голову, было достаточно банальное предположение: некто решил завладеть имением Шлосса, вероятнее всего, кто-то из родни, затем и разыграл этот спектакль. Но пока выходило, что цель не оправдывала затраченных средств: слишком уж много усилий для того, чтобы заполучить небольшое и не приносящее феерического дохода имение. Видимо, здесь крылось что-то еще, но что именно, я не пойму, пока не увижу всего своими

глазами.

- Вот что, нейр Шлосс, - сказала я. - Думаю, не стоит афишировать, кто я такая.

- Я тоже думал об этом, - серьезно ответил он. - Если все происходящее - не плод моего воображения и кто-то в самом деле замыслил нечто нехорошее, одного вашего имени будет достаточно, чтобы спугнуть этого злоумышленника.

- Именно. - Я задумалась на минуту.

- Может быть, представить вас моей гостьей? - предложил Шлосс.

- Гости приезжают с солидным багажом, а не с одной сумкой, - вздохнула я. - Нет. Сделаем иначе. Скажите, вы наверняка ведете тяжбу с каким-нибудь соседом?

- Да, - удивленно ответил Шлосс. - Откуда вы узнали?

Я только хмыкнула. Эти мелкие помещики вечно судятся из-за каких-нибудь клочков земли, на которых даже козу не выпasti.

- Расскажите мне поподробнее о сути дела, - попросила я. - Я представляюсь, скажем... ну, имя у меня не такое уж редкое, хотя... Да, называйте меня Флосси Никс. Для ваших домочадцев я - судейский чиновник, которого вы пригласили, чтобы окончательно разобраться в сути вашей тяжбы с соседом. Думаю, это ни у кого не вызовет удивления.

- Разве только тот факт, что судейский чиновник работает в праздничные дни, - резонно заметил Шлосс.

- Для судейских праздников не существует, - усмехнулась я. - И потом, вы залучили меня в гости специально для того, чтобы расположить к себе и убедить вынести решение в вашу пользу.

- Я понял, - кивнул Шлосс и хитровато улыбнулся. - Буду обращаться с вами со всем возможным почтением!..

Я подавила улыбку. Шлосс впал в обычное для обывателей заблуждение, что немудрено. Очень мало кто знает, как на самом деле обстоит дело с судейскими чиновниками.

Корни этой истории кроются в довольно отдаленном прошлом. Одному из предков Его величества Арнелия, королю Арвейну, как-то опротивело выслушивать жалобы своих подданных, причем подданных не самого последнего разбора, не каких-то там крестьян и лавочников, а настоящих аристократов, на произвол судейских властей. Надо сказать, что жаловались они вполне обоснованно: достойные господа судейские и в самом деле потеряли стыд и совесть, чуть не в открытую вымогая взятки и грозясь похоронить то или иное дело под спудом других, не менее важных дел, буде истец или ответчик не внесут определенную мзду. Как правило, подразумевалось внесение мзды непосредственно в карман того, кто этим делом занимался. Так вот, терпению короля Арвейна пришел конец (а короли этой династии наряду со скупостью и благоразумием отличались также отменной выдержкой, и, надо думать, судейским пришлось постараться, чтобы вывести Его величество Арвейна из себя; впрочем, говорят, тут была замешана некая дама, к которой благоволил король и которая пострадала от произвола судейских). В результате недолгих раздумий (так гласит молва, но я подозреваю, что король не один раз взвесил все за и против) Его величество провел весьма неожиданную реформу, благодаря которой на свет появились не простые дознаватели, обвинители и судьи, а судейские чиновники, подчас способные объединять в себе все эти ипостаси. Было введено несколько десятков рангов для этих самых чиновников: обладатели самого низшего ранга имели право рассудить разве что ссору двух торговков на рынке из-за какой-нибудь курицы, ну а обладатели высшего могли выносить решения и по более чем серьезным делам. Конечно, наиболее сложные и запутанные случаи никто не мог разбирать в одиночку, тут по старинке собирались несколько судейских, но в целом кажущаяся на первый взгляд сложной система оказалась вполне действенной. Во всяком случае, теперь королевскую канцелярию не забрасывали жалобами на то, что сосед, видите ли, отнес свой забор на пять шагов дальше положенного, а еще его куры пасутся во дворе у истца, чем страшно оно его истца раздражают.

Обыватели тоже возрадовались, сочтя, что подкупить одного чиновника, чтобы он вынес решение в пользу того или иного человека, не в пример проще, нежели целую судейскую коллегия. Увы и ах, как же они ошибались... Король Арвейн обладал и еще одним достоинством, присущим королям этой династии, – своеобразным чувством юмора. Несчастные судейские чиновники физически не могли брать взятки, над этим работали лучшие королевские маги (да и Коллегия

приложила руку – там всегда любили подобные эксперименты). К тому же бедолаги решительно не были способны солгать старшим по званию в том, что касалось проведения расследования, и не вольны были в собственных эмоциях. Случалось им осуждать весьма симпатичных и обаятельных преступников и выпускать на волю пренеприятных, но кристально чистых перед законом граждан. Процедура, обрекающая судейских на такую службу, была не очень сложна, но болезненна и дорогостояща, а потому решался на нее не каждый. Тот же, кто решался, получал возможность сделать неплохую карьеру. Впрочем, при каждом существенном повышении в ранге процедура повторялась, ужесточая налагаемые ограничения. Скорее всего, поэтому многие так всю жизнь и решали несложные задачки о том, кто прав, а кто виноват: крестьянин, пустивший коз пастись без привязи, или его сосед, оставивший ворота открытыми настежь, в результате чего козы потравили его огород. Жалованье судейским было положено солидное, тем более крупное, чем выше был ранг.

Судебные маги в этой системе стоят особняком. Мы, в отличие от судейских чиновников, свободны в своем выборе и вполне можем утаить правду или попросту солгать. По большому счету, над нами нет никого, кроме нашей собственной совести, да еще Коллегии магов. Последняя, впрочем, интересуется далеко не всеми делами, а первой обладают отнюдь не все судебные маги. Впрочем, такие субъекты, как правило, не заживаются на свете – на любого мага, как известно, найдется темный переулочек и арбалетный болт... Да и к тому же судебного мага с единожды подмоченной репутацией никто никогда не наймет: у нас, как и в любой другой профессии, – сперва ты работаешь на репутацию, потом репутация работает на тебя. Я, живя еще на северных островах, начинала со смешных дел вроде кражи снастей одним рыбаком у другого и супружеских измен. Одно за другим – постепенно молва обо мне докатилась и до здешних краев, за чем впоследствии последовало приглашение ко двору Его величества Арнелия. Впрочем, не последнюю роль тут сыграла моя фамилия...

Однако я уклонилась от темы. Будучи судебным магом, прикинуться судейским чиновником я смогу без труда. А вот высказывание Шлосса меня позабавило. Если бы я и в самом деле была судейской дамой, его желание принять меня по высшему разряду и всячески ублажать немедленно бы меня насторожило и, скорее всего, сыграло бы не в его пользу в предстоящем расследовании. Но Шлосс, как и большинство обывателей, ничего не знал о том, как входят в ряды настоящих судейских чиновников. К счастью или к несчастью, это одна из наиболее ревностно хранимых ими тайн. Ну, пусть таковой и остается...

Глава 4

«Яблони» (окончание)

Мы ехали молча. Было пасмурно, пошел снег.

Я вспоминала, о чем еще не расспросила Шлосса. Ах да...

– Насколько я поняла, ваша жена скончалась довольно давно? – уточнила я.

– Тому уж больше десяти лет, – печально ответил Шлосс, даже не удивившись резкой смене темы.

– От чего она умерла?

Шлосс немного помолчал, видимо, ему тяжело было вспоминать.

– У нее было слабое сердце, – сказал он наконец. – Медики удивлялись, как это ей удалось родить двоих детей. Мы все старались не тревожить ее лишней раз, чтобы не спровоцировать приступ, ее ведь все любили... Я от нее почти полгода скрывал, что сын сбежал, говорил, что отправил его с оказией к старому другу на север, погостить, письма за него писал... А она давно обо всем догадалась и молчала. А однажды она просто уснула и не проснулась... – Шлосс отвернулся, зашарил по карманам в поисках платка. – Простите, госпожа Нарен... одну минуту...

Я терпеливо ждала. Видимо, Шлосс в самом деле любил свою жену. Большая редкость по нынешним временам! Интересно, взаимно ли?

– Почему вы не женились во второй раз? – спросила я, когда Шлосс смог наконец справиться с собой.

Шлосс покосился на меня с укоризной, но, поняв, видимо, что я не из праздного любопытства спрашиваю, ответил:

– Сперва... Вы знаете, госпожа Нарен, я очень любил Малену. Я не мог представить, что смогу назвать другую женщину своей женой... И потом, дети – я подумал, что лучше вовсе без матери, чем с мачехой. – Он вздохнул. – А потом дети выросли, и я решил, что уже слишком поздно жениться снова. Кто за меня пойдет? Или вдова с детьми, или нищая девочка из захолустья... И зачем мне это?

– А как насчет отношений с женщинами в целом? – бесцеремонно спросила я. – Вы достаточно молодой мужчина.

– Хм... – Шлосс заметно смутился. – Это... Да, конечно... Я понимаю, о чем вы, госпожа Нарен. Не без этого... Но я всегда старался быть осторожным и никого не обидеть... – «И не наплодить внебрачных детей», – добавила я про себя. – Никаких прочных отношений я не заводил... В конце концов, всегда можно наведаться в город...

Шлосс окончательно смутился и увял, но я поняла его мысль. Даже птица не гадит в своем гнезде, а Шлосс был определенно умнее любой птицы. Нет смысла связываться со служанками или крестьянками, способными серьезно скомпрометировать его особу, если до столицы – два дня езды, а в городе всегда найдутся сговорчивые девицы, которым дела нет до того, как зовут их клиента.

– Я хочу сказать, – подал голос Шлосс, – если вы думаете, что какая-то обиженная женщина могла бы захотеть таким образом отомстить мне... Нет, этого не может быть, право слово.

– Надеюсь на это, – вздохнула я, и дальше мы ехали в тишине, только скрипел снег под копытами, тихо позвякивала сбруя и фыркали лошади.

Вокруг все было белым-бело, снегу навалило почти по пояс, и любой сошедший с дороги рисковал завязнуть в снежном плену. А по весне, которая наступит, как водится, неожиданно, непременно случится небольшое наводнение, размочит какую-нибудь плотину...

– Мы почти приехали, – заметил Шлосс наконец.

Уже стемнело. Мы ехали по узкой – двум телегам только-только разминуться – дороге среди деревьев, которые я по некотором размышлении определила как

плодовые. Должно быть, те самые яблони, о которых с таким восторгом говорил Шлосс: могучие, стройные, высаженные ровными рядами, они смыкали кроны высоко над дорогой. Могу себе представить, каково собирать урожай с таких гигантов!

Наконец деревья расступились, и я смогла разглядеть впереди дом старинной постройки. Не замок, а именно дом, большой трехэтажный особняк, не слишком красивый по нынешним меркам, но обладающий своеобразным обаянием. Мы въехали в тщательно расчищенный двор, слуга, стоило нам спешиться, тут же увел усталых лошадей, а я с интересом огляделась по сторонам. М-да... Хозяйство тут определенно поставлено неплохо: во дворе царил образцовый порядок, столь не свойственный старым поместьям. Я бы не удивилась, увидев посреди двора телегу без одного колеса, пару бревен и какую-нибудь рухлядь, дожидаящуюся сожжения. Ничего подобного здесь не было, а рухлядь, если и имелась, хранилась где-то подальше от людских глаз.

– Проходите, прошу вас! – Шлосс любезно пропустил меня вперед, в распахнутую вышколенным слугой дверь.

Войти с мороза в уют натопленного дома было особенно приятно.

Я стянула перчатки, скинула плащ и теплую куртку на руки подоспевшему слуге и огляделась. Дом был и в самом деле очень старым, но развалиной отнюдь не выглядел. Напротив, он казался весьма ухоженным, видно было, что хозяева любят свое обиталище и заботятся о нем. Обстановка не казалась ни слишком богатой, ни вычурной, не била в глаза показной роскошью. Дом был отделан и обставлен просто, добротнo и в то же время со вкусом.

– Здесь все осталось, как было при жизни Малены, – сказал Шлосс, заметив мой интерес. – Я ничего не менял, оставил все, как нравилось жене. Кстати, хотите взглянуть на нее?

Я сперва, признаться, опешила, но тут же недоразумение разрешилось: Шлосс указывал на большой, в человеческий рост портрет, висящий на лестничной площадке. В уютном полумраке, царившем в холле, казалось, будто сама хозяйка дома стоит на лестнице и приглашающе улыбается гостям.

Я присмотрелась внимательнее. Портрет, несомненно, писал не придворный художник, однако явно человек небесталанный. Чувствовалось, что работал любитель, фон был выписан немного небрежно, не слишком много внимания живописец уделил и одежде Малены, однако женщина на портрете казалась живой. Не очень высокая, скорее пухленькая, чем стройная, отнюдь не красавица, но удивительно милая... За такую не будут драться на дуэли блестящие молодые дворяне, таких любят люди, подобные Шлоссу, способные разглядеть за невзрачной внешностью подлинную красоту души.

- Кто автор картины? - поинтересовалась я.

- Сын одного друга семьи, - вздохнул Шлосс. - Он был влюблен в Малену. Писал ей замечательные стихи, вот нарисовал портрет...

- И вы все знали? - удивилась я. Любопытные подробности выясняются...

- Конечно, - в свою очередь удивился Шлосс. - Эрих не очень-то и пытался скрыть свое чувство... Впрочем, он прекрасно понимал: рассчитывать ему не на что, он же вполне годился Малене в сыновья... Она, конечно, тоже знала и очень его жалела. Такой славный был мальчик...

- Был? - насторожилась я.

- Да... - неохотно ответил Шлосс. - Видите ли, его отец изо всех сил старался сделать из Эриха настоящего мужчину, как он это себе представлял. Увы, у мальчика не было никакой склонности к забавам вроде охоты, больше всего на свете он любил рисовать, но не хотел расстраивать отца. И вот результат - однажды его сбросила лошадь. Эрих страшно покалечился...

- Насмерть? - уточнила я.

- Кое-кто думал, что лучше бы насмерть, - печально ответил Шлосс. - Остался калекой, бедняга... Потом умер его отец, а матери уж давно не было в живых. Тут же появились какие-то дальние родственники, хотели отправить Эриха в лечебницу, да я не позволил, забрал его к себе... Думаю, Малена бы меня поддержала в этом решении.

– Он тут? – спросила я.

– Ну да, – как нечто само собой разумеющееся, ответил Шлосс.

– Я хотела бы переговорить с ним, – сказала я. – Он, как я понимаю, прикован к постели? Кстати, неужели ни его отец, ни вы не прибегли к услугам мага-медика?

– Что вы! – обиделся Шлосс. – Выписывали лучших... Кое-что они смогли сделать, Эрих, по меньшей мере, теперь владеет верхней половиной тела и может подолгу сидеть. Но и только... Кстати, он по-прежнему рисует. Большую картину ему, конечно, не написать, но миниатюры у него изумительные, даже на мой дилетантский вкус...

Я призадумалась: дальняя родня, вот как... А единственный, как я поняла, наследник живет у друга семьи. Так, может быть, охота идет не за Шлоссом, а за этим Эрихом? Что ж, в самом деле стоит поговорить с молодым человеком. Но, тут же поняла я, беседу придется отложить: в холле появилась некая дама, в которой я по описанию без труда опознала таинственную Илану Тен.

– Верен? – произнесла, стремительным шагом подходя к нам, эта в высшей степени необычная дама. – Вы вернулись? Как хорошо, я за вас волновалась! Кто эта женщина?

Илана не говорила, а словно выстреливала короткими фразами. И, – тут Шлосс не преувеличивал, – она была замечательно красива. Высокая для женщины (во всяком случае, выше Шлосса), стройная, если не сказать худая, с грацией дикой кошки, Илана производила сильное впечатление. Иссиня-черные кудри были уложены в нарочитом беспорядке, с узкого породистого лица смотрели светло-карие глаза в обрамлении пушистых черных ресниц, а чуточку длинноватый нос с заметной горбинкой придавал Илане особенную, чуть ли не царственную надменность. Что и говорить, почти точный портрет героини романов Шлосса, опасной и коварной, как сотня ядовитых змей, Элейны Дор, разве что та была зеленоглаза. И, – я почувствовала сразу, – вокруг этой дамы наличествовал явный, хотя и очень слабый, магический фон. Разновидность магии я определить не смогла и не смогу, пока дама не начнет работать. Скорее всего, что-то из прикладных направлений, боевая или медицинская магия фонит совсем по-другому и более отчетливо. Впрочем, нельзя было отбрасывать и вероятности,

что источником этого слабого излучения является какой-нибудь амулет. Противозачаточный, например. Очень даже может быть, нынешние знатные дамы чего только на себе не таскают...

- Позвольте представить, - Шлосс слегка растерялся. - Это госпожа... э-э-э... Флосси Никс, судейский чиновник...

- Судейский чиновник третьего ранга, - надменно поправила я. - С правом вынесения решений по общегражданским делам вплоть до седьмой категории важности, не затрагивающим интересы короны.

- Да-да, простите великодушно... - окончательно смешался Шлосс. - Госпожа Никс любезно согласилась разобраться в нашей бесконечной тяжбе с соседом... Помните, Илана, я вам рассказывал?

- О да! - надула губки та. - Весьма скучная история... из-за какой-то болотистой лужайки столько хлопот! Надеюсь, госпожа... хм... Никс раз и навсегда избавит вас от этих скучных споров и разбирательств! - Это «хм» в устах Иланы отчетливо давало понять, как она относится к каким-то там чиновницам, наверняка незнатным к тому же, осмелившимся нарушить ее покой.

- Затем я сюда и явилась, - заметила я и посмотрела на Илану сверху вниз, слегка прищурившись. Не стоит забывать о том, что женщины, способные сделать заявленную мною карьеру (а третий ранг для судейского чиновника - это очень и очень немало), должны обладать сильным характером и подчас суровым нравом. - Вы, кстати, кем приходитесь нейру Шлоссу? Кроме того, не имею чести знать вашего имени.

Илана, по-моему, так изумилась моей наглости, что смогла только жалобно воззвать:

- Верен!..

- Это нейра Илана Тен, - поспешил ей на помощь Шлосс. - Моя... э-э-э... гостья.

- Не родственница?

- Нет...

- Чудесно, - ответила я, делая вид, что начисто потеряла интерес к Илане: мол, раз не родственница, то отношения к тяжбе не имеет, и ладно... Надо ли говорить, что на самом деле это было вовсе не так! - Рада знакомству. А что, нейр Шлосс, в котором часу у вас обычно подают ужин?

- Уже скоро! - заторопился Шлосс, делая знаки слуге. - Скоро подадут... Вы успеете отдохнуть с дороги... Сейчас вас проводят в вашу комнату!

Я покладисто отправилась вслед за пожилой служанкой, показавшей мне просторную, чистую и в самую меру протопленную комнату. Мне положительно понравился дом Шлосса! Но не стоило забывать и о цели моего визита...

Я закрыла дверь на засов, чтобы никто не вломился в самый неподходящий момент, настроилась на нужный лад и приготовилась слушать. «Прослушка» - простейший прием, я его освоила еще в раннем детстве и использовала, конечно, в не слишком благовидных целях. Так, что же творится в доме?.. Не то, не то, это служанки на кухне спешно сооружают ужин из остатков сегодняшнего обеда и заготовок для завтрака, это конюх чистит лошадей, напевая себе под нос... Ага, вот!

- Верен, зачем вы притащили сюда эту... эту женщину? - возмущалась Илана.

- Видите ли, Илана, мне представился замечательный случай, - оправдывался Шлосс. Так ее, включи свое писательское воображение! - Госпожа Никс - одна из лучших в своей области, и совершенно случайно она оказалась свободна... Разве я мог упустить шанс? Нужно принять ее повежливее, и я уверен, она вынесет решение в мою пользу...

- О да, конечно! - фыркнула Илана. - Она вынесет решение в пользу того, кто ей больше заплатит! И как это она так удачно оказалась свободна накануне праздников?

- Ну... - протянул Шлосс.

– А я вам скажу, как! – гневно произнесла Илана. – Отлично провести время за ваш счет – вот чего она хочет. Конечно, на что еще может рассчитывать этакая старая дева! От нее, поди, лошади шарахаются!..

«Ну, это ты зря, – подумала я весело. – Вот как раз лошади меня любят...»

– Ну перестаньте, Илана, – возмутился Шлосс. – Госпожа Никс не давала вам повода так думать о ней!

– Ах, простите... – спохватилась Илана. – Верен, я просто принимаю все ваши проблемы так близко к сердцу, я беспокоилась за вас! Простите меня, пожалуйста...

– Ну что вы, Илана...

Я разорвала контакт и встряхнула головой. Итак, что я могу сказать... Эта Илана – отличная актриса. Окажись на месте Шлосса другой, она бы, несомненно, провела его. Но тот факт, что Шлосс обратился ко мне за помощью, свидетельствует в пользу его ума. А может быть, интуиции, не суть важно. Меня, ясное дело, Илане не обмануть, потому она так и встревожилась при моем появлении: испугалась, что залетная чиновница, – а чиновники по природе своей народ цепкий и въедливый, не склонный к романтическим бредням, – заподозрит неладное в ее поведении. Что ж, посмотрим, как будут развиваться события...

Меня позвали к ужину, который оказался, как ни странно, вполне сносным. Илана хранила гробовое молчание, глядя в тарелку и изредка посылая Шлоссу проникновенные взгляды, я невозмутимо расправлялась с жареным цыпленком (надеюсь, нейру Тен передергивало от моих манер, вернее, нарочитого отсутствия оных) и расспрашивала Шлосса об истории его тяжбы с соседом вплоть до мельчайших подробностей. В конце концов я сделала глубокомысленное замечание о том, что мне нужно еще поразмыслить и ознакомиться с мнением противоположной стороны, но, скорее всего, вердикт будет вынесен в пользу Шлосса. На этой оптимистической ноте ужин завершился, и я возвестила, что отправляюсь к себе, по пути взглядом намекнув Шлоссу: я желала бы переговорить с ним наедине.

По счастью, Шлосс оказался сообразителен, потому что тут же вызвался показать мне дом, чтобы я не заплутала с непривычки. Илана, всем своим видом

выражая презрение, удалилась в свои комнаты, что меня вполне устраивало.

Дом был выстроен просто и удобно, тут не заблудился бы и пятилетний ребенок, но я позволила Шлоссу провести меня в правое крыло, явно нежилое, судя по тому, какой тут царил холод.

– Надо думать, здесь нас некому подслушивать, – заметила я. Магическим способом нас не слушают, за это я ручалась, а вот какой-нибудь слуга...

– Да, здесь никто не живет, – согласился Шлосс. – Это крыло и не отапливается, что зря дрова тратить...

– Вы, должно быть, хотите знать, что я думаю? – поинтересовалась я.

Шлосс явно изнывал от нетерпения.

– Пока рано делать какие бы то ни было выводы, – сказала я. – Для начала мне хотелось бы переговорить с тем молодым человеком, Эрихом. И со слугами. До этого я ничего вам не скажу.

– С Эрихом лучше говорить прямо сейчас, – ответил Шлосс. – Он допоздна не спит... а Илана к нему в это время не заглядывает. А слуги... я скажу, чтобы они отвечали вам на любые вопросы.

– Чудно, – кивнула я. – Проводите меня к Эриху. А сами отправляйтесь к себе, чтобы не вызывать подозрений. Вдруг Илана вздумает наведаться к вам?

Шлосс слегка покраснел, из чего я сделала вывод, что ночной визит уже имел место. Интересно, чем кончилось дело?

– Идемте, я провожу вас, – сказал он, и я последовала за ним.

Обиталище Эриха располагалось в другом крыле здания. Шлосс попросил меня обождать снаружи, чтобы предупредить Эриха, потом предложил войти, а сам испарился. Я была рада, что не пришлось просить его оставить нас наедине: Шлосс оказался на редкость сообразительным человеком.

Войдя в комнату, я не без интереса огляделась по сторонам. Большие окна – днем здесь, должно быть, очень светло, – книжные шкафы, замысловатая конструкция в углу (это оказалась хитроумная подставка, позволяющая лежачему больному писать или рисовать), рисунки на стенах... Воздух был свежим, не спертый, в нем совсем не чувствовалось запаха, присущего жилищам людей, прикованных болезнью к постели. Видно было, что Шлосс в самом деле заботится о своем подопечном.

Я повернулась и встретилась взглядом с молодым человеком, полулежащим на широкой кровати. Если бы я не знала наверняка, что он уже несколько лет лишен способности передвигаться самостоятельно, то ни за что не приняла бы его за калеку. Ясные и умные серые глаза на поразительно некрасивом, но обаятельном худощавом лице смотрели с живым любопытством, а светлая кожа не была болезненно бледной, как это случается у затворников. Я не знала, сколько лет этому человеку, но по здравом размышлении решила, что не менее тридцати. Выглядел он моложе, и намного. Я не удержалась от того, чтобы определить характер его травмы. Как ни жаль, Шлосс оказался прав – Эрих покалечился слишком серьезно, маги-медики и так сделали все возможное и даже чуточку больше. Если на то пошло, молодой человек должен был провести вовсе без движения остаток жизни, однако ему еще повезло...

– Вы – Флоссия Нарен, – сказал он утвердительно. – Дядя Верен говорил мне о вас.

– Вы правы. Но сейчас меня зовут Флосси Никс, и я бы попросила вас употреблять именно это имя, – ответила я. Очевидно, Шлосс делился своими планами с Эрихом.

– Я понимаю, – кивнул он. – Нас, к сожалению, не представили, и, должно быть, дядя Верен не назвал вам моего имени. Нейр Эрих Дорж, к вашим услугам.

– Рада знакомству, – церемонно кивнула я и без приглашения заняла кресло рядом с кроватью. – Вы догадываетесь, о чем я хотела поговорить с вами, не так ли?

– Да. – кивнул Эрих. Худые руки с изящными пальцами художника спокойно лежали поверх одеяла – он ничуть не волновался. – Дядя Верен делился со мной своими подозрениями. Больше ведь не с кем, не со слугами же... Так что я в

курсе дела.

- Меня, прежде всего, интересует ваше мнение об Илане Тен, - сказала я.

- Мое мнение? - Эрих задумался, и его некрасивое лицо озарилось удивительно приятной улыбкой. - Трудно составить мнение о человеке, которого почти не знаешь, но она мне понравилась... Не потому, что она очень красива, госпожа Никс, хотя это, конечно, тоже... Видите ли, нейра Тен - одна из немногих, у кого мое увечье не вызывает отвращения. Вы тоже из таких...

Я криво усмехнулась в ответ. Сказать ему, что я на своем веку видала куда более неприятные вещи, чем парализованный парень? Нет, не поймет...

- Она ведет себя со мной так, будто я просто немного приболел, - продолжал Эрих. - Почти так же, как дядя Верен. И она частенько заглядывает ко мне поболтать. Я понимаю, это, скорее всего, оттого, что ей просто скучно в этом доме, но все равно... Мне редко доводится с кем-то поговорить, - добавил он, - так что я рад любому собеседнику... Дядя Верен - тот каждый день по нескольку раз заглядывает ко мне, читает вслух отрывки из своего нового романа, да просто рассказывает новости...

Я только вздохнула. Шлосс - редкой души человек. Не каждый бы согласился взвалить на себя обузу в виде молодого калеки, который может прожить еще очень долго. Да не просто поручить его заботам слуг, а считать его членом своей семьи...

- Она рассказывает столько всего интересного про столичную жизнь, - продолжал Эрих, - а еще она позволила мне нарисовать ее. Хотите взглянуть?

Я кивнула. Портрет - это может быть интересно.

- Рисунки вон там, на столе, - указал Эрих.

Я поднялась и подошла к широкому столу, заваленному разнообразными папками.

– Та, что сверху, в синем переплете, – подсказал Эрих. Я подала ему папку, и спустя пару секунд он протянул мне рисунок. – Вот...

Я взглянула на набросок. Да, это Илана, без сомнения. Эрих в самом деле талантлив, несколькими штрихами он сумел передать диковатую, необычную красоту Иланы, лицо на портрете казалось поразительно живым. Прелестное личико, исполненное доброжелательности и сострадания...

Меня, однако, заинтересовало не портретное сходство...

– Не подумайте, это не мое воображение, – заметил что-то Эрих в выражении моего лица. – Мне так редко доводится рисовать новые лица с натуры, что я стараюсь ничего не прибавлять от себя. Она на самом деле такая!

«Если Илана на самом деле такова, то ты – гениальный рисовальщик, хотя сам этого не понимаешь», – подумала я. Я знала, так бывает, но воочию видела подобное впервые. Карандаш Эриха изобразил прелестную женщину именно такой, какой видели ее его глаза, вероятно, несколько затуманенные красотой Иланы. Но рука – рука и то особое, неназываемое, что живет в каждом настоящем художнике, – не позволили погрешить против истины, изобразив Илану Тен даже слишком точно. Да, женщина на портрете была прекрасна, она улыбалась, она была воплощенная доброта. Но стоило присмотреться – и становилось ясно, что на самом деле выражает ее взгляд. А во взгляде этом читалась тщательно скрываемая брезгливая жалость, увы, просыпающаяся в большинстве из нас при взгляде на безнадежно покалеченного человека. Думаю, Эрих сам пока не понял, что? именно нарисовал. Но если верить ему, если он в самом деле не прибавил ничего от себя, то вырисовывается весьма интересная картина...

– Все, что я знаю о ней, я знаю со слов дяди Верена, сама она не очень-то охотно рассказывает о себе, – произнес Эрих, видя мой интерес. – Ничего нового я добавить не могу... Может быть, Ила... нейра Тен просто не хочет рассказывать о тех обстоятельствах, из-за которых она вынуждена скрываться?

– Это другой вопрос, – сказала я, усмехнувшись про себя: Эрих старательно именовал даму нейрой Тен, а с губ его так и рвалось нежное – «Илана»... Похоже, красавица запала художнику в сердце! – А что насчет странных происшествий?

– Это вы о так называемых привидениях? – спросил Эрих. – Не знаю даже... Здесь ничего не происходило. Я вот что заметил, – добавил он, – судя по рассказам дяди Верена и слуг, все эти безобразия случаются там, где их наверняка заметят. Словом, или на кухне, где всегда кто-то толчется, или в гостиной, когда дядя Верен с нейрой Тен трапезничают...

– Любопытно, – прищурилась я. Хм... не является ли слабый магический фон, исходящий от Иланы, первопричиной всех этих таинственных событий? Даже слабенькому магу под силу обрушить со стены картину или заставить посуду прыгать по столу. Но вряд ли Илана сама отправится на кухню... Интересно, есть ли у нее слуги? Нужно будет уточнить. – Вы навели меня на одну мысль. Надо будет кое-что проверить.

В общем-то разговаривать с Эрихом мне было больше не о чем. Не так уж он много знал, а все, что знал, уже рассказал... Но и уходить почему-то не хотелось. Впрочем...

– Расскажите о себе, – попросила я.

– О себе? – удивился Эрих. – Зачем вам это?

– Пытаюсь понять господина Шлосса, – хмыкнула я.

– Ну, если так... – улыбнулся Эрих. – Только рассказывать особенно нечего. Наше поместье тут неподалеку. Отец дружил с дядей Вереном чуть не с детства, так что я считал его родственником. А когда со мной случилось несчастье, дядя Верен очень мне помог. Я ведь всерьез хотел наложить на себя руки... – Эрих вздохнул. – А потом подумал: если бы меня не сбросила лошадь, отец бы не отступился в своем желании сделать из меня свое подобие... Он, госпожа Никс, был неплохим человеком. А еще отлично ездил верхом, натаскивал собак, охотился, фехтовал и стрелял. Он хотел, чтобы я стал таким же...

– А вы не хотели, – кивнула я.

– Я не хотел, – эхом отозвался Эрих. – Только меня не больно-то спрашивали о моих желаниях. Так вот, к чему я веду... Если не та лошадь, так что-нибудь другое непременно приключилось бы. Например, на охоте я бы нарвался на кабана или медведя. Тогда бы мне точно пришел конец... – Он усмехнулся. – А

так... я, по крайней мере, могу заниматься любимым делом...

- Я слышала, ваш отец умер, - осторожно заметила я. - У вас есть еще какая-то родня, так?

- Вы ведете к тому, что кому-то нужна именно моя смерть? - уточнил Эрих, чем немного меня удивил. Хотя... я окинула взглядом книжные шкафы: прочтя столько авантюрных романов... Да и не так сложно было догадаться. - Нет, госпожа Нарен, я здесь точно ни при чем. Да, я был единственным наследником моего отца. Только я добровольно отказался от наследства в пользу родни. Мне-то все это ни к чему... - Он нахмурился. - Те родичи предлагали дяде Верену хотя бы платить за мое содержание, но он обиделся и приказал прогнать их со двора. Сказал, и сам справится...

- Ну что ж, с вами все ясно, - произнесла я. - Давайте поговорим о господине Шлоссе. И не только о нем. Что вы можете рассказать о его жене?

- Малене? - невольно вздрогнул Эрих. - Ну...

- Господин Шлосс сказал, что вы были в нее влюблены, - заметила я.

- При чем тут это?! - дернулся Эрих.

- Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, - сухо сказала я. - Я, напомню, являюсь независимым судебным магом и не обязана объяснять свои действия либо вопросы никому, за исключением нанимателя и Совета Коллегии магов.

- Простите... - выдавил Эрих, я явно напугала его резкой сменой тона. Впрочем, ему достало ума не обидеться. - Я просто не ожидал... Ну да, и это даже не тайна - я был влюблен в Малену... Ее все любили. Ее нельзя было не любить...

- Вы не рассчитывали на взаимность?

- Да что вы... - Эрих нервно рассмеялся. - Я же был вдвое моложе ее, и потом, она любила дядю Верена. Нет, я ни на что не надеялся. Просто радовался, что она есть. Малена была нашим солнцем... А потом, - он прикусил нижнюю губу, - потом это солнышко закатилось... Госпожа Никс, возьмите, пожалуйста, вон ту

папку, с серыми лентами. Посмотрите, а я пока расскажу...

Я перебирала рисунки и слушала Эриха. На рисунках была Малена Шлосс. Малена, Малена, Малена, то одна, то с детьми, то с мужем, веселая, задумчивая, рассерженная, но никогда – печальная. Я уже поняла – это была женщина редкожизнелюбивая и сильная характером. Должно быть, они со Шлоссом составляли отличную пару...

Эрих негромко рассказывал все, что помнил, а помнил он немало, и я убеждалась в правильности своих выводов. Но больше, чем давно покойная Малена Шлосс, меня интересовал ее супруг. Встречаются же такие люди – и не поодиночке, а вот так, парами... Шлосс в самом деле обожал жену и не забыл ее, похоронив. Помнил, любил, печалился, но не позволил светлой печали перерасти в черную тоску и отравить жизнь себе и детям. Да, в доме все осталось, как было при Малене, но он не стал пыльным склепом, предназначенным лишь для того, чтобы хранить память о покойной хозяйке. Да, Шлосс не женился во второй раз, не желая предавать память жены, но не стал женоненавистником... При жизни Малена Шлосс была светлым человеком, такой она осталась и после смерти. И понятно, в общем-то, почему Шлосс пригрел Эриха – не просто как сына старого друга, но и как человека, знавшего, помнившего и любившего Малену... Должно быть, Шлоссу было очень одиноко в большом старом доме, в особенности когда выросшие дети разъехались кто куда. Эрих же всегда оставался с ним...

– Теперь я, кажется, могу понять, почему господин Шлосс не вполне доверяет Илане, – заметила я, когда Эрих остановился перевести дыхание. Шлосс привык к искренности в словах и поступках, и игра Иланы, пусть даже превосходная игра, не могла не насторожить его. – Но я до сих пор не понимаю другого: зачем бы ей мог понадобиться весь этот спектакль?

– Я тоже долго над этим думал, госпожа Нарен, – сознался Эрих. – Может быть, она хочет женить дядю Верена на себе? Но ради чего? Нет у него никаких несметных богатств, ради которых стоило бы пойти на это... Да и наследники у него имеются, он вам говорил? Сын Марен, дочь Алисса и внуки... – Он нахмурился. – А когда начались все эти странности, я, грешным делом, подумал, не собирается ли кто-то выжить дядю Верена из дома? Но зачем?!

– Вот это-то меня и интересует больше всего, – негромко произнесла я, поднимаясь и возвращая папку с рисунками на положенное место. Ради чего?

Зачем? Когда я узнаю ответы на эти вопросы, я раскрою это дело. – Спасибо вам. Вы многое прояснили для меня. Доброй ночи.

– Доброй ночи, – отозвался Эрих.

Ночью мне не спалось, как обычно, когда у меня имеется слишком много неструктурированной информации. Заснуть мне удастся только, когда я привожу все данные в мало-мальский порядок, но сегодня дело не клеилось. По отдельности раздобытые мною сведения о Верене Шлоссе друг другу не противоречили, но вот Илана Тен и таинственные происшествия, в самом деле словно призванные выжить Шлосса из дома, никак не желали вписываться в общую картину. Либо Илана и вовсе тут ни при чем, во что мне не верилось, либо мне не хватает каких-то деталей, что много более вероятно. Нужен мотив... В конце концов мне надоело так и сяк вертеть всевозможные фантастические версии происходящего, я наложила сама на себя простенькое сонное заклинание и сумела наконец уснуть...

Следующие два дня не принесли ровным счетом никаких результатов. Я бродила по поместью и приставала с вопросами к каждому встречному.

Предупрежденные Шлоссом, слуги в самом деле отвечали на любые мои вопросы, не то чтобы с особенной охотой, но правдиво. Уж правду от откровенной лжи я отличать умею, научилась за столько лет работы. Ничего нового я не узнала. Все без исключения хорошо относились к хозяину поместья, поминали добрым словом его жену и детей и недолюбливали Илану. Своим высокомерием красавица за короткий срок сумела восстановить против себя решительно всю челядь. Очень опрометчиво с ее стороны, надо сказать. Прислуга – не такая ничтожная величина, чтобы с нею не считаться, особенно если слуги не конфликтуют между собой и готовы дружно выступить на защиту любимого хозяина.

Я была права – у Иланы имелся слуга, один-единственный. Более чем странно для нейры, какой она себя заявляла. Где же это видано, чтобы дама путешествовала даже без горничной! Я уже не говорю о парочке лакеев и кучере – Илана ведь прибыла в карете. Слуга же ее, – увидеть мне его удалось лишь издалека, этот субъект упорно избегал общения со мною, что наводило на дополнительные подозрения, – отнюдь не казался мастером на все руки, способным и обиходить лошадей, и зашнуровать хозяйке корсет. Если честно, больше всего он походил на верного телохранителя, что, конечно, вписывалось в изложенную Иланой версию о том, что она, знатная дама, в силу обстоятельств

вынуждена была от кого-то бежать и скрываться в глуши, но никак не объясняло его нежелания общаться со мною. Впрочем, и со здешними слугами этот человек почти не разговаривал, что отнюдь не способствовало зарождению хорошего к нему отношения.

Что касается пресловутых таинственных происшествий, то со времени моего появления в поместье шаловливые духи определенно притихли: своими глазами я не увидела ни одного проявления действия потусторонних сил. Правда, затишье наступило только в господских покоях, на кухне же по-прежнему творились всякие безобразия. Одну из поварих чуть не обварило кипятком из невесть с чего перевернувшегося котла, девочка-посудомойка ухитрилась разбить половину обеденного сервиза, хотя до той поры не кокнула ни единого блюда, за что ее особенно ценили, а несколько кушаний оказались безнадежно испорченными. Заглянув как-то на кухню, я провела тщательнейшее обследование помещения и обнаружила признаки чьего-то осторожного магического воздействия. Однако эти следы заметно отличались от фона, исходящего Иланой, что только укрепило меня во мнении – ее слуга на самом деле никакой не слуга, а напарник.

Крайне хотелось взять красавицу Илану за нежное брюшко и устроить ей допрос с пристрастием, однако повода для этого она до сих пор, увы, не давала. С еще большим удовольствием я бы тесно пообщалась с ее неуловимым слугой, с ним-то уж я бы церемониться не стала, но демаскироваться раньше времени не хотелось. Если я спугну этих двоих, они вполне могут испариться, но это не значит, что с ними исчезнет и опасность, угрожающая Шлоссу. А в том, что эта опасность реальна, я уже почти не сомневалась.

Я облазила весь дом и все окрестности, но не нашла ровным счетом ничего, на что могли бы польститься преступники. Хотя, возможно, я просто не там и не то искала...

Дело осложнялось еще и тем, что судебная чиновница, какой бы дотошной и въедливой она ни была, не могла слишком долго оставаться в «Яблонях». И так уже я бо?льшую часть дня болталась по округе, делая вид, что в очередной раз отправилась пообщаться с соседом Шлосса, тем самым, с которым шла тяжба относительно какого-то лужка. Еще немного, и мне придется несолоно хлебавши возвращаться в город... Надо ли говорить, что такая перспектива меня совершенно не устраивала!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Маги подлежат обязательной регистрации в Коллегии. При желании, приняв присягу, маг становится членом К., что дает ему право участвовать в голосовании и т. п. Любой член К. может быть избран в Малый Совет, включающий двенадцать магов, избираемых тайным голосованием. Ежегодно для решения вопросов, находящихся вне компетенции региональных М.М., собирается Большой совет, члены которого выбираются тайным голосованием внутри М.С. Б.С. может также быть собран по запросу М.С. в любое время в случае возникновения чрезвычайной ситуации. Общее управление Коллегией, а также руководство в особо сложных случаях осуществляет Высший Совет. В него входят шесть магов, избираемых пожизненно открытым голосованием.

Купить: <https://tellnovel.com/kira-izmaylova/sluchay-iz-praktiki-tom-1>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)